

**НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

МНСК–2020

АРХЕОЛОГИЯ

Материалы
58-й Международной научной студенческой конференции

10–13 апреля 2020 г.

Новосибирск
2020

УДК 902
ББК 63.4я431
А 87

Научный руководитель секции –
академик РАН, проф. В. И. Молодин

Председатель секции – чл.-корр. РАН, проф. А. И. Кривошапкин

Ответственный секретарь секции – канд. ист. наук, доцент С. В. Алкин

Экспертный совет секции:

д-р ист. наук, проф. Ю. С. Худяков
д-р ист. наук, проф. Л. В. Лбова
д-р ист. наук Л. Н. Мыльникова
канд. ист. наук А. Ю. Борисенко
канд. ист. наук, доцент О. А. Митько
канд. ист. наук, доцент О. И. Новикова
канд. ист. наук, доцент С. Г. Скобелев

А 87 Археология : Материалы 58-й Междунар. науч. студ.
конф. 1
10-13 апреля 2020 г. / Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск : ИПЦ НГУ,
2020. – **XXX** с.

ISBN

© СО РАН, 2020
© Новосибирский государственный
университет, 2020

**NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY
SIBERIAN BRANCH OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

ISSC-2020

ARCHAEOLOGY

Proceedings of the 58th International Students Scientific Conference

April, 10-13, 2020

Novosibirsk
2020

УДК 902
ББК 63.4я431
А 87

Section scientific supervisor –
Acad. of the RAS, Prof. V. I. Molodin

Section head – Corresp. Member of the RAS., Prof. A. I. Krivoschapkin

Section responsible secretary – Cand. Hist., Assoc. Prof. S. V. Alkin

Section scientific committee:

Dr. Hist., Prof. Ju. S. Khudyakov

Dr. Hist., Prof. L. V. Lbova

Dr. Hist. L. N. Mylnikova

Cand. Hist., A. Ju. Borisenko

Cand. Hist., Assoc. Prof. O. A. Mitko

Cand. Hist., Assoc. Prof. O. I. Novikova

Cand. Hist., Assoc. Prof. S. G. Skobelev

А 87 Archaeology : Proceedings of the 58th International Students
Scientific Conference. April, 10-13, 2020 / Novosibirsk State University.
Novosibirsk : IPC NSU, 2020. – **XXX** p.

ISBN

УДК 902
ББК 63.4я431
А 87

ISBN

©SB RAS, 2020
©Novosibirsk State University, 2020

АРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА

УДК 902/904

Костяная индустрия верхнепалеолитической стоянки Сабаниха (бассейн р. Енисей)

А. Р. Азизова

Новосибирский государственный университет

Предметы из фаунистического сырья находят практически повсеместно на стоянках каменного века. Традиционно сложилось, что каменной индустрии памятника придается первостепенное значение, в то время как костяной индустрии уделяется меньше внимания [1]. В последнее время эта лакуна постепенно заполняется, что актуализирует проблему изучения технологий обработки твердого органического сырья животного происхождения в верхнем палеолите. Функционально-технологическая характеристика остеологической коллекции стоянки Сабаниха базируется на результатах комплексного и технологического анализа.

Стоянка расположена в Боградском районе Республики Хакасия на левом берегу Красноярского водохранилища и входит в состав группы памятников Чулымо-Енисейского междуречья. Открыта в 1986 г. Н. Ф. Лисицыным [2]. В 2016 г. проведено последнее исследование в связи со спасательными работами из-за угрозы разрушения берега [3].

Ландшафтно-климатические условия региона в позднем плейстоцене характеризуются лесотундровым типом растительности. Н. Ф. Лисинин датировал стоянку в пределах 25 – 23 тыс. л.н. (рубеж каргинского межледниковья и сартанского оледенения) [4].

Фаунистический состав материалов стоянки представлен благородным оленем, горным бараном (архаром) и бизоном, в меньшем количестве встречаются кости белой куропатки, песка и северного оленя [4].

Коллекция насчитывает около 6000 каменных и 22 костяных изделий. Каменная индустрия демонстрирует развитую пластинчатую технику расщепления. Ведущие формы орудий: концевые скребки, остроконечники и остря, скребла, резцы.

Орудия из фаунистического материала делятся на две группы: предметы из отростков рога оленя и предметы из кости. Самая малочисленная роговая группа орудий представлена четырьмя долотами разной степени сохранности. Костяные изделия представлены семью

иглами, четырьмя остроконечниками, четырьмя острями, одной проколкой и одним фрагментом трубчатой кости со следами резания неопределенного назначения. Самая многочисленная группа орудий – это костяные иголки. Среди них две с ушком (одно ушко цельное, второе обломано), одна цельная иголка без ушка и четыре обломка средней части иголок (без верхушки и острого конца). По форме иглы круглые, зашлифованные, две из них уплощены по бокам. На остроконечниках нет специальных пазов для микропластин, т.е. они использовались не как часть составного орудия, а самостоятельно. Это может быть связано с господством среднепластинчатой техники и малочисленностью микропластин в индустрии памятника или с функциональной особенностью изготовления. Потому вопрос о назначении этих орудий все еще остается открытым. Вероятнее всего, они могли комбинировать различные функции в зависимости от ситуации.

Коллекция содержит стандартный набор инвентаря для верхнепалеолитических памятников и демонстрирует полный цикл производственной цепочки от создания заготовок до утилизации. Обитатели стоянки владели всем набором техник обработки кости: скобление, пиление, резание, сверление, шлифование. Техно-типологический анализ костяной индустрии показал, что стоянка уверенно вписывается в общий технологический уровень, характерный для «классического этапа» верхнего палеолита.

Набор предметов из кости и рога находит аналогии, как с памятниками Сибири, так и Русской равнины [5]. Имеющиеся данные по сибирским стоянкам коррелируют с данными из других регионов, но не полностью им соответствуют и демонстрируют свои специфические отличительные черты, поэтому изучение остеологических коллекций Сибирского региона имеет большую практическую значимость.

1. Авербу А. Обработка твердых материалов животного происхождения в верхнем палеолите Западной Европы: анализ и культурно-хронологические закономерности развития // КСИА. Вып. 246. М., 2017.

2. Лисицын Н. Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. СПб., 2000.

3. Барков А. В. Мещерин М. Н. Стоянка Сабаниха Богградского района // Археологические открытия 2016 г. М., 2018.

4. Лисицын Н. Ф. Относительная и абсолютная хронология позднего палеолита юга Средней Сибири. СПб., 1997.

5. Солдатова Т.Е. Обзор костяных индустрий памятников начального верхнего палеолита Европы // Вестник МГУ. Сер. 8. № 3. М., 2014.

Научный руководитель — д-р ист. наук, проф. Л. В. Лбова

**Методические подходы к реконструкции растительности
по палинологическим данным из пещерных отложений
археологических объектов**

В. В. Алексеичева

Новосибирский государственный университет

Пещеры являются уникальными объектами для изучения активности древнего человека и для реконструкции природных условий, в которых он жил. Одним из важнейших методов восстановления природы прошлых эпох является палинологический метод. Однако, благодаря сложной стратиграфии пещер и тафономии палиноморф, подход к палинологическому изучению пещер имеет свои особенности.

Одним из объектов, имеющих большое значение для археологии, является пещера Шанидар (Ирак). В 1960 г. археологом Р. Солецки здесь были обнаружены захоронения десяти неандертальцев, датированные 60 тыс. л. н. [1]. По результаты палинологического анализа в образце, полученном в одной из могил, количество видов подсемейства цикориевых было крайне высоко, тогда как в других частях пещеры и за её пределами подобного не наблюдалось. Это побудило Р. Солецки сделать предположение о наличии у неандертальцев ритуального поведения: по его мнению, этот неандерталец был захоронен на подстилке из цветов.

Исследования в пещере были возобновлены в 2014 г. М. Фиаккони и К. Хантом [2]. Основной целью стало получение ответа на вопрос о тафономии пыльцы в пещерах и о том, с какой степенью достоверности по спектрам изнутри пещер мы можем судить о составе растительности относительно всего региона.

Выяснилось, что и в настоящее время можно говорить о более высоком скоплении пыльцы цикориевых внутри пещеры, чем снаружи. Авторы предполагают, что это может объясняться природными процессами: пыльцу могли приносить пчелы. Однако вопрос о ритуальном поведении все ещё остается открытым.

Вопросом о степени достоверности полученных в пещере данных задавались различные исследователи. Так, Д. и Л. Берни изучали несколько пещер на территории штата Нью-Йорк [3]. Согласно их результатам, пыльцевые спектры внутри и снаружи пещер оказались сходны, следовательно, по данным, полученным в пещерах, можно достоверно судить о растительности региона. Наварро и др. в 2002 г. также подтвердили эти выводы своими данными, но примечательно, что относительно пещеры Куэва-де-Жозе (Картахена, Испания) по их данным

мы также можем увидеть в спектре внутри пещеры значительно более высокий процент цикориевых [4].

В связи с актуальностью вопроса мы провели сравнение современной пыльцы внутри пещер Чагырская и Страшная (Алтайский край) и снаружи их, чтобы посмотреть, насколько сходны или же различны показатели ее содержания.

Проведенный палинологический анализ дал следующие результаты: для пещеры Страшной спектр внутри пещеры показал абсолютное преобладание цикориевых (32%) и полыни (28%). При этом снаружи пещеры преобладают сосна и пихта; полынь также показывает высокое содержание. Цикориевые же практически не представлены: их процентная доля в спектре не превышает 0,5%. Для пещеры Чагырской мы видим более сходные спектры – процентный состав цикориевых внутри и снаружи пещеры приблизительно одинаков.

Сопоставив новые данные и предшествующие исследования, можно заключить, что состав большинства представленных таксонов снаружи и внутри пещеры совпадает, что указывает на возможность достоверно судить о растительном составе региона по полученным из пещер данным. Однако при этом ситуация с цикориевыми различна. Относительно пещеры Чагырской данные сходны, но для пещеры Страшной мы видим значительное расхождение в содержании пыльцы цикориевых внутри пещеры и вне её.

Для того чтобы ответить на вопрос о том, каковы причины различия палиноспектров, необходимо более подробное изучение процессов тафономии пыльцы в пещерах, а также исследование большего количества поверхностных палинологических проб из пещер и контрольных спектров из окружающих ландшафтов.

1. Solecki R. S. Shanidar IV, a Neanderthal Flower Burial in Northern Iraq // *Science*. 1975. Vol. 190. P. 880-881.

2. Fiacconi M., Hunt C. O. Pollen taphonomy at Shanidar Cave (Kurdish Iraq): An Initial evaluation // *Review of Palaeobotany and Palynology*. 2015. Vol. 223. P. 87-93.

3. Burney D. A., Burney L. P. Modern pollen deposition in cave sites: experimental results from New York State // *New Phytologist*. 1993. Vol. 124. P. 523-535.

4. Navarro C., Carriyn J. S., Prieto A. R., Munuera M. Modern Cave pollen in an arid environment and its application to describe palaeorecords // *Complutum*. 2002. Vol. 13. P. 7-18.

Научный руководитель — канд. биол. наук Н. А. Рудая

Становление и начало изучения кара-бомовского и усть-каракольского путей развития Южной Сибири: 1990 – 2000 годы

К.Д. Бобровская

Новосибирский государственный университет

Проблема перехода от среднего к верхнему палеолиту на территории горного Алтая является предметом дискуссии более двадцати лет и на данный момент остаётся одним из самых обсуждаемых вопросов археологии палеолита в Южной Сибири. Наиболее распространенная точка зрения на данный момент заключается в том, что традиции раннего верхнего палеолита являются результатом эволюции среднепалеолитической культуры. Благодаря характерным чертам технологии расщепления и орудийного набора удалось выявить две самостоятельные линии развития, культурные традиции – усть-каракольскую и кара-бомовскую. Данной проблеме посвящено обширное количество исследований, которые нуждаются в систематизации и обобщении полученных результатов, кратком историографическом анализе всех публикаций, посвященных этому вопросу. История изучения начинается с введения в научный оборот новых материалов раскопок стоянки Кара-Бом. Предлагается выделение «карабомовского» варианта среднего палеолита, «мустье», для индустрий которого характерно доминирование в первичном расщеплении параллельного и конвергентного принципа леваллуазского расщепления камня [1]. Было установлено, что на основе постепенной эволюции местных среднепалеолитических традиций начинается переход к верхнему палеолиту на Алтае (около 50-40 тыс. л. н.). Годом позже, было выявлено выделение «кара-бомовской позднепалеолитической культуры» на основе непрерывности линии культурной эволюции на протяжении ранней поры верхнего палеолита [2]. Кара-бомовский индустриальный вариант ранней поры верхнего палеолита имеет выраженный пластинчатый облик и представляет дальнейшее развитие кара-бомовского технокомплекса, который сложился в среднем палеолите. Основной технологический процесс был направлен на получение серии крупных длинных сколов. Была проведена серия работ по реконструкции способов первичного расщепления комплексов кара-бомовской традиции на основе ремонтажа и технологического анализа [3].

Комплексы начального верхнего палеолита кара-бомовского типа на Алтае сменяют индустрии усть-каракольской линии развития, более совершенного в технологическом отношении варианта раннего верхнего

палеолита. В индустриях усть-каракольского варианта верхнего палеолита для получения заготовок активно использовались нуклеусы призматических, конусовидных и торцовых форм, в том числе предназначенные для снятия микропластин. Важная особенность этих индустрий – присутствие многочисленных костяных орудий и украшений из кости, бивня мамонта, зубов животных, скорлупы яиц страуса, раковин моллюсков [4]. Наиболее яркими в составе каменного инвентаря являются бифасиальные остроконечники листовидной формы [5].

Зародившиеся на территории Алтая технологии обработки камня широко распространились в Северной, Центральной и Восточной Азии. На данный момент вопросы о центре формирования и о вероятных путях распространения двух индустриальных традиций остаются актуальными и продолжают находиться в центре внимания.

1. Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П. Характер перехода от мустье к позднему палеолиту на Алтае (по материалам стоянки Кара-Бом) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 2. С. 33–52; № 3. С. 29–36.

2. Деревянко А.П. Переход от среднего к позднему палеолиту на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 3. С. 70–103.

3. Славинский В.С., Рыбин Е.П. Восстановление с помощью ремонтажа вариантов скалывания камня в индустриях среднего палеолита и ранней поры верхнего палеолита стоянки Кара-Бом // Вестник НГУ. Серия: история, филология. 2007. Т. 6. Вып. 3: Археология и этнография. С. 70–79.

4. Деревянко А.П., Шуньков М.В. Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 3. С. 12–36.

5. Деревянко А.П., Шуньков М.В. Индустрии с листовидными бифасами в среднем палеолите Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 1. С. 16–39.

Научный руководитель — канд. ист. наук А. М. Хаценович

Керамический комплекс многослойной стоянки Кюнкю II в Южной Якутии

С. А. Бурцев

Северо-Восточный федеральный университет, Якутск

Керамика является одним из индикаторов для определения археологической культуры. Многослойная стоянка Кюнкю II была открыта в 1964 г. Ю. А. Мочановым по левому берегу р. Амга, на правом приустьевом мысу р. Кюнкю, левого притока р. Амга (932 км от устья).

Раскопки начаты в 1977 г. и продолжены в 1978 г. З. И. Филипповой и В. И. Козловым. Во вскрытых аллювиально-делювиальных отложениях найдены различные каменные орудия и керамика. Находки обнаружены в пахоте и на различных прослойках темно-коричневой супеси с черными гумусированными прослойками, а также в пахоте и в верхней части коричнево-сероатой супеси. В пахотном слое было найдено 27 фрагментов керамики: 1 сетчатый, 3 шнуровых, 7 вафельных и 16 рубчатых. В следующем за пахотой слое было обнаружено 144 фрагмента керамики: 44 сетчатых, 24 шнуровых, 14 вафельных, 2 рубчатых, 60 с испорченной поверхностью. Во втором уровне находок среди фрагментов керамики 5 сетчатых, 4 шнуровых, 3 вафельных. В третьем уровне найдено 11 фрагментов сетчатой керамики. В 2005-2006 гг. стоянка Кюнкю II исследовалась Приленской археологической экспедицией под руководством С. А. Федосевой [1].

В 2019 г. в ходе проведения спасательных археологических работ территория памятника была разделена на три участка: северный, центральный и южный. Основная масса находок была обнаружена в темно-коричневом гумусированном слое. Всего на стоянке было обнаружено 294 фрагмента керамических сосудов. На северном участке найден 231 фрагмент тонкостенной, гладкостенной, вафельной и толстостенной керамики. Также здесь найдены 3 фрагмента керамического льячика. На центральном участке – 9 фрагментов вафельной и гладкостенной керамики. На южном участке – 54 фрагмента гладкостенной, шнуровой, рубчатой керамики.

Преобладающим типом (178 фрагментов) является керамика с вафельным орнаментом. Тесто у всех фрагментов двуслойное – один из признаков ымыяхтахской культуры позднего неолита. Наполнителем теста для 19 фрагментов служил мелкозернистый кварцит и шерсть, что также является характерной особенностью ымыяхтахской керамики. Следующей в количественном значении (59 фрагментов) идет гладкостенная керамика

усть-мильского облика: 14 фрагментов сосуда однослойные, примесь для теста которых служит мелкозернистый песок, дресва, шерсть; 45 фрагментов – двуслойные с примесью дресвы, разнозернистого песка и шамота. Однослойную рубчатую керамику (38 фрагментов), с примесью мелкозернистого песка, вероятно, можно отнести к керамике раннего железного века, т. к. отсутствуют два признака ымыяхтахской культуры – многослойность и примесь шерсти в тесте [2, с. 188]. Толстостенная керамика, представленная 8 фрагментами, напоминает керамику кулунатахской культуры. Три фрагмента однослойной шнуровой керамики, вероятно, также относятся к керамике раннего железного века. По облику найденных здесь фрагментов керамики слой содержит в смешанном состоянии остатки культур позднего неолита, раннего железного века и, возможно, средневековья.

Судя по характеру найденных находок, человек начал осваивать этот участок с началом голоценового периода (неолита), когда уже накопилась солидная аллювиальная пачка, пригодная для произрастания лесов и прихода сюда промысловых животных. В нижней пачке аллювиальных отложений наблюдаются наиболее выделяемые прослойки светло-коричневой супеси, что является признаком усыхания и обмеления р. Кюнкю в различные фации. Согласно классификации А. А. Андреева, первая половина голоцена являлась наиболее теплым периодом (в среднем 10000-5000 лет назад) в сравнении со второй половиной [3].

1. Кирьянов Н. С. Научный отчет о выполненных спасательных археологических работах по сохранению выявленных объектов археологического наследия «Стоянка Буяга I (неолит, железо)», «Стоянка Буяга II (неолит)», «Стоянка Буяга III (неолит)», «Стоянка Кюнкю I (палеолит)», «Многослойная стоянка Кюнкю II» в Алданском районе республики Саха (Якутия). Якутск, 2019 // Архив ГБУ АНИЦ АН РС(Я). Том I (текст). 98 с.

2. Федосеева С. А. Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1980. 224 с.

3. Андреев А. А. История растительности и климата Центральной Якутии в голоцене и позднеледниковье // Вопросы палеоклиматологии, палеолимнологии и палеоэкологии, Ч. 4. Якутск: ЯГУ, 2000. С. 15-29.

Научный руководитель — ст. преподаватель К. А. Пестерева

Методика выявления аласных памятников в Центральной Якутии

В. А. Данилов

Северо-Восточный федеральный университет, г. Якутск

Аласы представляют собой термокарстовые котловины, которые возникают при длительном процессе таяния подземных льдов. Чаще всего на дне данных котловин присутствует озеро или болото. В современное время аласы занимают почти что 20-30 % от всей площади Центральной Якутии. Для образования аласа требуется большой временной отрезок, который разделен на несколько стадий. Мерзловеды считают, что данные котловины начали массово образовываться 15-1 тыс. л. н. в период глобального потепления [1, с. 21-23]. Одним из наиболее древних является алас Хара-Булгуннях, который датируется 9,8 тыс. л. до н.э. [2, с. 25].

Долгое время считалось, что самые ранние археологические памятники, находящиеся на аласах, относятся к эпохе средневековья, но, в настоящее время, результате археологических работ, на аласах Центральной Якутии, были выявлены более сотни неолитических памятников [3, с. 174-175]. Это обстоятельство подтверждает мнение А. П. Окладникова о перспективности поиска памятников каменного века на данных участках [4, с. 159].

При проведении изысканий по выявлению и изучению археологических памятников на аласах следует обратить внимание на некоторые особенности данного вида ландшафта. В результате постоянных и продолжительных процессов термоабразии и термоденудации границы котловин и аласных озёр постепенно расширяются. Мерзловедами было замечено, что скорость отступания бортов аласа может достигать до 9,4 м в год [1, с. 52-53]. Благодаря данным процессам, находки, лежащие в культурном слое, частично выталкиваются на дневную поверхность, где во время сбора подъемного материала исследователь может их легко обнаружить, что в дальнейшем помогает ему правильно выбрать место для разбивки шурфа или раскопа. С одной стороны данная особенность ставит археологический памятник под угрозу разрушения, а с другой способствует его выявлению.

Следующий фактор, играющий достаточно большую роль в обнаружении археологических памятников на террасах термокарстовых котловин – антропогенный. Центральная Якутия, где находится таежно-аласная зона с большим количеством термокарстовых котловин, является наиболее заселенной и освоенной. На аласах Центральной Якутии находятся около 21% всех сенокосных и пастбищных угодий, где

добывается 34,4% среднего сбора сена со всей республики [5, с. 4]. Благодаря такой важной роли аласов в развитии сельского хозяйства республики, на поверхности их террас и мысов часто встречаются проселочные дороги, которые повреждают поверхность почвы и культурный слой. Особенно большие повреждения поверхности террас аласов происходят по вине тракторной и другой тяжелой сельскохозяйственной техники. Аласы также являются излюбленным местом для отдыха населения, что увеличивает антропогенное воздействие. Исследователю обязательно следует обратить внимание на дороги, так как именно на их поверхности с большой вероятностью может находиться археологический материал.

Все описанные факторы позволяют исследователю облегчить поиск археологических памятников на аласных образованиях. А из-за высокой вероятности уничтожения памятника в результате природных и антропогенных факторов есть необходимость как можно оперативнее провести археологические работы в таежно-аласных районах Центральной Якутии.

1. Десяткин Р. В. Почвообразование в термокарстовых котловинах - аласах криолитозоны. Новосибирск: Наука, 2008. 323 с.

2. Строение и абсолютная геохронология аласных отложений Центральной Якутии / отв. ред. Е. М. Катасонов. Новосибирск: Наука, СО, 1979. 95с.

3. Аргунов В. Г., Пестерева К. А. Археология каменного века Центральной Якутии // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. XXXV междунар. науч.-практ. конф. 2014. № 3(35). С.173–177.

4. Окладников А. П. Ленские древности. М.-Л.: Изд-во АН СССР, Вып. 3. 1950. 195 с.

5. Саввинов Д. Д., Прокопьев Н. П., Федоров В.В. Экология аласных экосистем Якутск, 2002. 68 с.

Научный руководитель — ст. преподаватель К. А. Пестерева

Опыт применения петромагнитных методов в изучении кострищ стоянки Сурунгур (Ферганская долина, Южный Кыргызстан)

И. Е. Дедов, Е. П. Кулакова, С. Ашишер кызы
Новосибирский государственный университет
Институт физики Земли, г. Москва

Кострища являются важным археологическим источником, их анализ позволяет реконструировать особенности быта и адаптационных стратегий древнего человека. В археологии магнитные методы применяются уже более полувека и сосредоточены они на датировании отложений [1], поиске термически изменённых поверхностей и артефактов [2], определении параметров очага (площади кострища, центра очага, температурного порога) [3]. В рамках настоящего исследования проводится изучение пеплосодержащих прослоев памятника Сурунгур предположительно позднеплейстоценового – раннеголоценового возраста (Ферганская долина, Южный Кыргызстан). Стоянка была обнаружена в 2017 г. и изучалась в полевые сезоны 2018-2019 гг. совместными усилиями Центральноазиатского палеолитического отряда ИАЭТ СО РАН и экспедиции Киргизского национального университета им. Ж. Баласагына.

Геофизические исследования методами электротомографии и магнитометрии помогли выявить наиболее перспективные участки для проведения археологических работ. За два полевых сезона был изучен шурф глубиной 2,5 м. В 2019 г. в процессе работ на данном участке была выявлена серия кострищ [4].

Петромагнитные исследования являются быстрым, дешевым и простым в измерении инструментом для идентификации изменений, происходящих в субстрате при его прогреве. В ходе исследований может быть получена информация о магнитной минералогии пород, концентрации и размере магнитных минералов [5].

В нашем исследовании мы использовали методы, широко применяемые в петромагнитных исследованиях, такие как: измерения магнитной восприимчивости (МВ), изучение различных видов остаточной намагниченности материала и определение гистерезисных параметров. Измерения МВ, нормированной на массу, производились на двух частотах (976 Гц и 15616 Гц) с последующим расчетом параметра частотной зависимости МВ для обнаружения суперпарамагнитных частиц. Были созданы и изучены остаточные намагниченности, такие как: идеальная (безгистерезисная) остаточная намагниченность, остаточная намагниченность насыщения (в поле насыщения 1 Тл) и изотермическая

остаточная намагниченность. Гистерезисные параметры использовались для магнитной гранулометрии и определения соотношения магнитных минералов. Кроме того, была изучена температурная зависимость намагниченности насыщения (I_s) до 700°C . Все измерения проводились в лаборатории Главного геомагнитного поля и петромагнетизма ИФЗ РАН.

На данный момент можно сказать, что во всех образцах Сурунгура основным магнитным минералом является магнито-мягкий магнетит с температурой Кюри, близкой к 580°C . Существенный вклад в повышенные значения магнитной восприимчивости по сравнению со значениями вмещающего пепловые прослойки субстрата вносят мельчайшие частички ($<0,03$ мкм) магнетита, находящиеся в суперпарамагнитном состоянии. Стоит отметить, что практически все пеплосодержащие прослойки обладают схожими магнитными свойствами, за исключением одного, отличающегося как по цвету, так и по присутствию небольшого количества магнито-жесткого минерала, возможно, гематита.

Наряду с петромагнитным методом для изучения пеплосодержащих прослоев Сурунгура были использованы методы: литологическое описание отложений, газовая хроматография и элементный анализ. Совокупный комплекс данных позволит реконструировать использовавшиеся типы топлива, температуру и длительность горения костров.

Работа выполнена при поддержке проекта РФФИ № 19-78-10053.

1. Батлер Р. Ф. Палеомагнетизм: от магнитных доменов до геологических террейнов // Электронное издание. СПб, 1998 [<http://www.geokniga.org/books/15607>].

2. Gibson T. H. Magnetic prospection on prehistoric sites in Western Canada 1986 // *Geophysics*. Vol. 51, № 3. 1986. P. 553–560.

3. Carrancho A., Villalaín J.J. Different mechanisms of magnetization recorded in experimental fires: Archaeomagnetic implications // *Earth and Planetary Science Letters*. 2011. P. 176–187.

4. Оленченко В.В., Цибизов Л.В., Осипова П.С., Козлова М.П., Шнайдер С.В., Алишер кызы С., Чаргынов Т. Результаты геофизических исследований памятника Сурунгур (Южный Кыргызстан) // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. Т. XXV. 2019. С. 181–186.

5. Thompson R., Oldfield F. *Environmental Magnetism*. L.: Allen & Unwin. 1986. 227 p.

Научные руководители — канд. ист. наук С.В. Шнайдер,
канд. геогр. наук Р.Н. Курбанов

Погребальные практики на тихоокеанском побережье Южной Америки: культура чинчорро

Е. А. Еремеева

Новосибирский государственный университет

Культура чинчорро (Chinchorro) – одна из древнейших культур на территории Южной Америки. Представители данной культуры создали уникальный культ умерших, не имеющий аналогов в мире. Стоит учесть, что им не были известны земледелие и гончарство, колесный транспорт и принципы металлообработки.

Первые исследования культуры чинчорро начались в XX в. благодаря немецкому археологу Максу Уле. В 1917 г. были обнаружены 12 погребений с признаками мумификации, памятник был назван Морро-1 [1]. Преимущественно, данную культуру изучают зарубежные археологи (Б. Биттман, Х. Мунисага, Б. Ариасса, К. Санторо). В конце XX в. помощью радиоуглеродного датирования был определен возраст мумий – 7,8 тыс. л. н. Это почти на 2,5 тыс. лет древнее знаменитых египетских мумий [1].

Наиболее яркой чертой культуры чинчорро является погребальный обряд. У представителей культуры охотников-собираателей-рыболовов, живших на редком контрастном природном фоне – между океаном и пустыней – сформировался сложнейший погребальный ритуал. Особенность самого ритуала также необычна, поскольку связана не с конструкцией захоронения или инвентарем, а с манипуляциями над телами и скелетами умерших.

Изученные мумии со стоянок Морро-1, Киани, Камаронес-14 можно разделить по различным способам мумификации. Среди найденных мумий, М. Уле выделил три основные технологии мумификации:

- *простая* – естественная мумификация тела в сухих условиях пустыни;
- *комплексная* – подготовка тела умершего к погребальному обряду;
- *с применением глины* различного состава [2].

Радиоуглеродное датирование помогло установить, что среди всех погребальных ритуалов чинчорро, т.н. «черные мумии» являются самыми старыми (по самым последним результатам датирования от 9 до 6,8 тыс. л. н.). Трупы лишали кожного покрова, извлекали внутренние органы, после чего все полости заполнялись мехом или травой. Скелет укрепляли палками, привязанными к суставам растительными волокнами.

Все тело умершего покрывали толстым слоем глины, условно моделировали лицо и покрывали черной пастой.

«Красные мумии» датируются более поздними периодами, около 4.8 тыс. л. н. Этапы подготовки красных мумий несколько отличались. Каменными ножами наносилось несколько надрезов в области лодыжек, плеч, паха, через которые удалялась мышечная ткань, после места разрезов прижигали. Череп заполнялся перьями морских птиц. Эти мумии не претерпевали процедуру полного расчленения, но часто голова отделялась от тела.

«Забинтованные мумии» – наименее распространенный вид мумификации, появившийся позже всего, около 3–4 тыс. л. н. Материалы, которыми перебинтовывали мумию, различны: это могли быть полоски кожи, как животных, так и людей. Собственную кожу перед этим удаляли и укрепляли суставы палками. Данный вид мумий не был самостоятельным, а скорее являлся комбинацией с черной или красной мумией.

Однако, погребальные конструкции, в отличие от сложных технологий мумификации, которые были найдены, очень просты, труположение для всех погребенных одинаковое, а сопровождающий инвентарь скромен и небогат [3]. При попытке сопоставить способы мумификаций и время, затраченное на погребальный обряд, с социальным положением населения, можно сделать определенные выводы о том, в какие периоды, культура находилась в расцвете, а когда претерпевала кризис.

Несмотря на то, что раскопки памятников, относящихся к этой культурной традиции, ведутся уже на протяжении века, археологи не исследовали и половины существующего материала. Однако, то, что уже изучено, представляет собой богатую коллекцию, опираясь на которую, можно детально рассмотреть отдельные сферы жизни людей прошлого. Культура чинchorro с богатыми погребальными традициями, позволяет подробно изучить представления людей прошлого о смерти и жизни после нее.

1. Табарев А. В. Введение в археологию Южной Америки. Новосибирск, 2006. 243 с.

2. Arriaza V. T. Beyond death: the Chinchorro mummies of ancient Chile. Washington: Smithsonian Institution, 1995. 176 p.

3. Santoro C. M. Rise and Decline of Chinchorro // Revista de Antropología Chilena. 2012. № 4. P.637–653.

Научный руководитель — д-р ист. наук А.В. Табарев

Опыт применения анализа Scar Pattern при изучении нуклеусов

Е. Е. Зубченко

Новосибирский государственный университет

Каменная индустрия является одним из основных источников культурной деятельности древнего человека. В узком смысле под каменной индустрией понимается коллекция каменных артефактов с конкретного памятника, а в широком – определенный набор артефактов, характерных для серии комплексов [1]. Для изучения каменных индустрий используются различные методы. Одним из них является Scar pattern analysis, или анализ последовательности сколов – метод реконструкции последовательности снятий сколов, основанный на анализе негативов снятий на поверхности каменного артефакта [2]. Scar pattern analysis получил большое распространение в современном палеолитоведении. Несомненным плюсом этого метода является то, что он позволяет делать достаточно глубокие выводы без дополнительного применения специальной аппаратуры и вместе с этим является универсальным: он подходит для любых видов каменных артефактов, на которых отмечаются остаточные негативы. Scar pattern имеет особенно выдающиеся перспективы развития в связи с развитием технологий 3D сканирования.

Идея об использовании негативов на каменных поверхностях артефактов для выявления последовательности сколов начала обсуждаться еще в конце XX века. Впервые анализ последовательности сколов, как самостоятельный метод, был предложен Ю. Рихтером и А. Пастурсом [3; 4]. Ему также посвящены работы и других исследователей (Joris, 2006; Voëda 2001) [5; 6], однако самой масштабной и подробной работой в которой описывается scar pattern является диссертация М. Кот, в которой анализировалась технология изготовления бифасиальных остроконечников [7]. Более подробно анализ применительно к нуклеусам рассмотрен в работах А. К. Очередного и С. Сориано [8; 9].

Анализ последовательности сколов включает в себя несколько этапов. На первом определяется направление каждого «читаемого» негатива скола на поверхности каменного артефакта. На втором определяется их взаимное расположение. И на завершающем этапе, негативы по схожим признакам объединяются в группы, намечается хронологическая последовательность таких групп относительно друг друга.

Scar pattern позволяет выявить технологию изготовления нуклеуса, использованную при создании артефакта, сравнить её с технологией

создания подобных изделий в других каменных индустриях, выявив таким образом сходства и различия. Это в свою очередь, может помочь проследить область распространения отдельно взятой культуры, выявить заимствования технологии расщепления ядрищ одной культуры у другой, а также восстановить процесс эволюции обработки каменной артефактов конкретной культуры.

Мной данный метод будет использован для анализа нуклеусов из археологических коллекций памятников периода финального плейстоцена – раннего голоцена на территории Центральной Азии. Использование scar pattern позволит определить зависела ли технология подготовки и поджигания нуклеусов от использовавшейся техники скола.

1. Деревянко А.П., Маркин С.В., Васильев С. А. Палеолитоведение: Введение и основы. Новосибирск, 1994. 288 с.

2. Шалагина А. В., Колобова К. А., Кривошапкин А. И. Анализ последовательности сколов как инструмент реконструкции процесса изготовления каменных артефактов // *Stratum plus*. № 1. 2019. С. 145–154.

3. Richter J. Une analyse standardisée des chaînes opératoires sur les pièces foliacées du Paléolithique moyen tardif. // *Préhistoire et approche expérimentale Montagnac*: M. Mergoïl, 2001. P. 77–78.

4. Pastors A. Standardization and individuality in the production process of bifacial tools – leaf-shaped scrapers from the middle Paleolithic open air site Sare Kaya I (Crimea) // *Neanderthals and Modern Humans – Discussing the Transition. Central and Eastern Europe from 50.000 – 30.000 B.P.* Mettmann: Neanderthal Museum, 2000. P. 243–255.

5. Jöris O. Bifacially backed knives (Keilmesser) in the Central European Middle Palaeolithic // *Axe age: Acheulian tool-making from quarry to discard L.*, 2006. P. 287–310.

6. Boëda E. Détermination des unités techno-fonctionnelles des pièces bifaciales provenant de la couche acheuléenne C'3 base du site de Barbas I // *ERAUL 98*. Liège, 2001. С. 51–75.

7. Kot M. A. The Earliest Middle Palaeolithic Bifacial Leafpoints in Central and Southern Europe. Technological Approach. Warsaw, 2013. 731 p.

8. Очередной А. К. Системы скальвания в анализе изготовления двустороннеобработанных орудий // *Труды исторического факультета СПбГУ*. 2014. № 18. С. 215–224.

9. Soriano S., Villa P., Delagnes A., Degano I., Pollarolo L., Lucejko J. J., Henshilwood Ch., Wadley L. The Still Bay and Howiesons Poort at Sibudu and Blombos: understanding Middle stone age technologies. *PloS ONE*. 2015. № 10(7). P. 1–46.

Научный руководитель — канд. ист. наук С.В. Шнайдер

История изучения стоянки каменного века Ходжа-Гор (Южный Кыргызстан)

У. К. Керимбекова

Кыргызский национальный университет, г. Бишкек

В силу географического расположения через территорию Центральной Азии проходило множество миграций древнего человека, начиная с каменного века. Одним из наиболее богатых регионов в археологическом отношении является территория Ферганской долины, здесь выделяются десятки памятников каменного века, наиболее значимыми из которых являются Сельунгур, Ходжа-Гор, Обишир-5, Обишир-1. Настоящая работа посвящена истории изучения памятника Ходжа-Гор. В целом, в истории изучения каменного века на территории Центральной Азии выделяется три основных этапа: период первоначального накопления научных знаний (1938-1954 гг.); период массовых исследований (1954–1991 гг.); период целевых международных проектов (1991–наст. вр.) [1].

Стоянка Ходжа-Гор расположена 1,5 км южнее пос. Чорку, на правом берегу р. Исфара на территории Киргизской республики. Впервые была обнаружена отрядом Таджикской археологической экспедиции под руководством А. П. Окладникова в 1954 г. На памятнике исследовалась площадь 200 м². Каменные артефакты располагались в переотложенном состоянии. В результате данных работ обнаружено несколько артефактов архаичного облика: «массивный отщеп, сколотый с дисковидного нуклеуса и скребло с крутой ступенчатой» ретушью». Всего в 1954 г. на стоянке Ходжа-Гор было обнаружено 2832 экз каменных артефактов. А. П. Окладниковым была опубликована наиболее представительная часть коллекции. Ведущими типами артефактов исследователю выделял концевые скребки на пластинах и отщепах, острия с ретушью притупления, оформляющей изогнутый край [2].

В дальнейшем данная коллекция подверглась повторному изучению С. В. Шнайдер и А. Джумъакулом. Ими был проведен детальный технико-типологический анализ каменной индустрии в рамках атрибутивного подхода. Анализ выявил направленность первичного расщепления на получение пластинок и микропластин с объемных ядрищ. В коллекции были выявлены нуклеусы, которые демонстрируют признаки отжимного расщепления, а пластинки и микропластины – отжимной и ударной техник с использованием мягкого отбойника. В орудийном наборе было отмечено наличие острий с притупленным краем, микроскребок и проколков. На основе данных характеристик исследователям не удалось определить

четкую культурно-хронологическую позицию данной коллекции, и для нее были определены широкие хронологические рамки (поздний этап кулбулакской верхнепалеолитической культуры – ранний этап туткаульской линии развития) [3].

С целью уточнения культурно-хронологической позиции памятника в 2018 г. было проведено повторное изучение памятника. Были собраны артефакты на площади 20х20 м и проведена зачистка нескольких разрезов с целью изучения строения склона. В ходе данных работ получена коллекция каменных артефактов общей численностью 1424 экз. Анализ коллекции показал, что первичное расщепление обнаруженного комплекса характеризуется конусовидными и цилиндрическими нуклеусами, утилизация которых была направлена на получение микропластин посредством техники отжима. В орудийном наборе отмечается доминирование концевых скребков, выемчатых орудий, пластинок с вентральной ретушью, пластинок с притупленным краем. Данные характеристики каменного инвентаря позволили исследователям проводить аналогии с материалами стоянок Обишир-5 и Обишир-1, а также предположить раннеголоценовый возраст объекта [4].

В результате последнего этапа исследований была полностью пересмотрена атрибуция материалов стоянки Ходжа-Гор, что может быть объяснено несколькими факторами: использованием новой методики проведения полевых исследований и изучения археологических материалов; накоплением новых данных по каменному веку региона и проведением исследований на разных, неисследованных ранее, участках объекта.

1. Алишери Д. Технично-типологическая характеристика мелкопластинчатых сколов стоянки Ходжа-Гор // Археология: Материалы 55-й Международной. студенческой конференции. Новосибирск: НГУ, 2017. С. 7–8.

2. Окладников А.П. Палеолит и мезолит Средней Азии // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л.: Наука, 1966. С. 3–76.

3. Шнайдер С. В., Хошимов Б. Х. Изучение палеолита на территории Западного Памиро-Тянь-Шаня: обзор концепций // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 7. С. 19–27.

4. Шнайдер С. В., Чаргынов Т. Т., Алишер кызы С., Курбанов Р. Н., Крайцарж М., Кривошапкин А. И. Результаты исследований стоянки Ходжа-Гор в полевом сезоне 2018 г. // Теория и практика археологических исследований. 2018. №4 (24). С. 128–138.

Научные руководители — канд. ист. наук С. В. Шнайдер,
канд. ист. наук Т.Т. Чаргынов

Роль пещерного льва в жизни древнего человека Евразии

А. С. Колясникова

Новосибирский государственный университет

В эпоху плейстоцена древний человек часто использовал карстовые пещеры и скальные убежища в качестве жилищ. Формирование плейстоценовых отложений таких стоянок происходило как в результате деятельности человека, так и в результате активности хищников, к числу которых относится пещерный лев. Пещерные львы как и древние люди использовали пещеры в качестве убежища и места для разведения потомства, принося внутрь добычу [1]. Пищевая активность людей и пещерных хищников могла быть связана. Особенно в холодные периоды, когда и те и другие испытывали недостаток в пище.

Пещерный лев (*Panthera leo spelaea Goldfuss*, 1810) – это вымерший подвид львов, населявший территорию Евразии в эпоху плейстоцена и проживший одновременно с человеком около 35 тыс. л. н. В конце плейстоцена пещерные львы обитали на территории Европы, северной Азии, на Аляске и Юконе [2]. Этот хищник являлся одним из наиболее крупных представителей семейства кошачьих (в среднем превосходит современных львов на 5–10%) [3].

Характер взаимоотношений гоминид и пещерного льва в настоящее время является предметом споров. Существуют несколько предполагаемых сценариев их отношений: от мирного сосуществования с минимальными контактами до открытой конкуренции за добычу и территорию [1].

Пещерный лев располагал серией полезных для человека ресурсов (шкура, сухожилия, мясо, костный мозг и т. д.), что делало его привлекательной, но опасной добычей. Ранее свидетельство использования пещерного льва человеком относится к концу нижнего палеолита (MIS 9) [4], а наиболее поздний пример встречается в верхнепалеолитических комплексах пещеры Ла Гарма на севере Испании, где были найдены фаланги львов со следами порезов [1].

Несмотря на то, что пещерный лев не являлся регулярной добычей человека, он занимал важное место в жизни человека. Изображения этого сурового хищника часто встречаются в верхнепалеолитическом искусстве, однако они заметно уступают в количестве изображениям крупных копытных животных, систематически являвшимися предметом охоты древнего человека (лошадь, бизон и др.). Наиболее известные изображения пещерного льва были обнаружены в пещерах Франции (Шове,

Бадегуль и др.). Известны также скульптурные изображения пещерного льва на стоянках Долни-Вестоницы (Чехия), Фогельгерд (Германия), Истюриц (Франция) и Костенки (Россия).

Для территории Горного Алтая на сегодняшний день нет конкретных свидетельств охоты древнего человека на пещерного льва, а также данных об утилизации его скелетных остатков. На всех известных пещерных памятниках Алтая встречаются единичные остатки пещерного льва [5]. Судя по незначительному количеству найденных костей, львы, в отличие от пещерных гиен и волков, редко использовали пещеры Горного Алтая в качестве убежища или логова для потомства. Редкие находки костей этого животного могли быть принесены в пещеры другими хищниками, например, гиенами. На территории Западной Сибири пещерный лев известен в основном на палеонтологических местонахождениях [6].

1. Cueto M., Camarós E., Castaños P., Ontañón R., Arias P. Under the Skin of a Lion: Unique Evidence of Upper Paleolithic Exploitation and Use of Cave Lion (*Panthera spelaea*) from the Lower Gallery of La Garma (Spain). PLoS ONE. 2016. № 11(10): e0163591.

2. Stuart A.J., Lister A.M. Extinction chronology of the cave lion *Panthera spelaea*. Quat Sci Rev. 2011. 30. P.23, 29–40 .

3. Kurtén B. Pleistocene mammals of Europe. Chicago: Aldine Pub Co, 1968.

4. Blasco R, Rosell J, Arsuaga JL, Bermúdez de Castro JM, Carbonell E. The hunted hunter: the capture of a lion (*Panthera leo fossilis*) at the Gran Dolina site, Sierra de Atapuerca, Spain. J Archaeol Sci. 2010. № 37(8). P. 2051–60.

5. Пластеева Н. А., Васильев С. К. Фаунистическое окружение лошади Оводова в позднем плейстоцене // Фауна Урала и Сибири. 2017. № 2. С. 204–214.

7. Васильев С. К., Середнев М. А., Милютин К. И., Панов В. С. Сборы остатков мегафауны на реках Чумыш (Алтайский край), Чик и Обь в районе поселка Бибиха (Новосибирская область) в 2016 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2016. Т. 22. С. 23–28.

Научный руководитель — канд. биолог. наук С. К. Васильев

Особенности остройной леваллуазской технологии в Южной Сибири и Монголии

П. С. Кравцова

Новосибирский государственный университет

Каменные орудия, изготовленные с использованием технологии леваллуа встречаются почти на всей территории Евразии. При этом Сибирь и Центральная Азия, куда входят Южная Сибирь и Монголия, представляют собой регион, где применялись схожие технологические приемы. Цель работы – проанализировать мнения специалистов, занимающихся проблемой техники леваллуа.

На территории Южной Сибири и Монголии преобладают типичные и атипичные леваллуазские острия. Типичное леваллуазское острие – это симметричный соразмерный скол с правильным Y-образным рисунком на дорсале и фасетированной ударной площадкой типа *chapeau de gendarme* или двугранной площадкой. Атипичное леваллуазское острие – заготовка, у которой отсутствует как минимум одна характеристика типичного острия. Также встречаются острия с бипродольной огранкой дорсала.

Типичные и атипичные леваллуазские острия распространены на Алтае (Северо-Западный, Центральный, Рудный, Монгольский) и в Центральной Монголии. С большой долей вероятности они являются продуктами метода леваллуазского конвергентного однонаправленного типичного расщепления. Наиболее древние находки атипичных леваллуазских острий относятся к среднепалеолитическим комплексам Денисовой пещеры и Усть-Каракола-1. Для острий, найденных в слое 19 Центрального зала и слое 10 предвходовой площадки Денисовой пещеры характерны неустойчивость форм острий, атипичность, удлиненность пропорций, однонаправленная огранка. Острия 18 слоя стоянки Усть-Каракол-1 (более поздние, чем упомянутые находки из Денисовой пещеры) характеризуются уже большей приближенностью к типичным леваллуазским остриям. Подобные варианты острий фиксируются и в Денисовой пещере [1].

В Монголии продукты конвергентного однонаправленного метода представлены на примере материалов стоянки Мойлтын ам (финал среднего – начало верхнего палеолита). Также для Монголии и сопредельных территорий характерен конвергентный двунаправленный метод остройной расщепления [2]. Наиболее поздние свидетельства производства типичных леваллуазских острий в Южной Сибири и Монголии фиксируются в 3 слое грота Чихэн-Агуй (начальный верхний палеолит). Острия характеризуются сравнительно маленьким размером [3].

Другой вариант леваллуазских острий – треугольные сколы с обушком – был найден в палеолитических комплексах северо-восточного фаса хребта Арц-Богдо в Южной Монголии (стоянки Мухар-Булаг 1 – 23, Их-Булаг 1 – 16). Они относятся к финалу среднего – началу верхнего палеолита. Сколы такого типа изготавливались с применением леваллуазского рекуррентного метода. Один производственный цикл давал до 2–3-х треугольных снятий с обушком [4].

Таким образом, среди острийных леваллуазских технологий Южной Сибири и Монголии преобладали конвергентный однонаправленный и двунаправленный методы с локальными вариациями. Выбор метода определялся стадией расщепления и качеством сырья. Распространение острой леваллуазской технологии происходило с северо-запада на юго-восток рассматриваемого региона. В Южной Монголии также представлен леваллуазский рекуррентный метод для получения острий (треугольных сколов с обушком), что иллюстрирует вариабельность леваллуазской технологии.

1. Рыбин Е. П., Славинский В. С. Леваллуазская конвергентная однонаправленная типичная технология в Южной Сибири и северной части Центральной Азии: вариабельность, распространение и хронология // *Stratum plus. Археология и культурная антропология*. 2015. № 1. С. 285–307.

2. Rybin E. P., Khatsenovich A. M. Middle and Upper Paleolithic Levallois technology in eastern Central Asia // *Quaternary International*. 2020. Vol. 535. P. 117–138.

3. Кандыба А. В., Хаценович А. М., Славинский В. С. Вариабельность и хроностратиграфия в среднем и раннем верхнем палеолите Монголии // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2015. Т. 14. Вып. 5. С. 37–48.

4. Деревянко А.П., Петрин В.Т., Кривошапкин А.И. Вариант леваллуазского рекуррентного метода для получения треугольных сколов в палеолитических комплексах северо-восточного фаса Арц-Богдо // *Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий*. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. 2. С. 256–264.

Научный руководитель — канд. ист. наук А. М. Хаценович

Новые данные о первичном расщеплении ранней стадии верхнего палеолита Денисовой пещеры (материалы раскопок 2000 г.)

В. А. Михиенко

Новосибирский государственный университет

С 1999 по 2004 г. проводились раскопки устьевого зоны южной галереи Денисовой пещеры (Горный Алтай), в результате которых было вскрыто свыше 6 м отложений в глубину. За основу стратиграфической нумерации была взята схема членения, разработанная для опорного разреза центрального зала. В ходе раскопок 2000 г. была вскрыта верхняя часть плейстоценовой толщи, в результате чего была обнаружена каменная индустрия эпохи верхнего палеолита. Уже на том этапе исследования отмечались некоторые различия в стратиграфии в сравнении с опорным разрезом центрального зала, что связывалось с особенностями осадконакопления на данном участке. На основе литологических и археологических характеристик, несмотря на более архаичный облик каменной индустрии, верхнепалеолитические отложения были соотнесены со слоями 9 и 11 центрального зала [1]. В результате возобновившихся работ на данном участке памятника (2017–2019 гг.) стратиграфия южной галереи была пересмотрена, а впоследствии было принято решение о введении собственной нумерации слоев, как и в случае с отложениями восточной галереей пещеры [2].

Раннюю стадию верхнего палеолита представляют комплексы из слоя 11 южной галереи пещеры, который согласно новым полученным по кости и углю AMS-датам накапливался в первой половине МИС 3 [3]. Для первичного расщепления каменной индустрии, согласно анализу старых коллекций, характерна утилизация плоскостных: радиальных и параллельных нуклеусов, а также подпризматическое расщепление. Основу коллекции сколов составляют отщепы (381 экз.) преимущественно мелкого размера (45,4%), на долю средних и крупных форм приходится по 31,8% и 22,8% соответственно. Невелика доля отщепов с подправкой карниза при помощи прямой редукции (3,8%). Среди целых средних и крупных сколов преобладают отщепы с гладкой остаточной ударной площадкой (39,6%) и продольной однонаправленной (15,1%) или бинаправленной (14,1%) огранкой спинки. Небольшой серией представлены пластины (22 экз.), из которых целых – 5 изделий. Чаще всего встречаются формы с гладкой или фасетированной остаточной ударной площадкой (по 6 экз.), остальные типы ударных площадок представлены единичными экземплярами. Дорсальная огранка пластин

преимущественно продольная: однонаправленная (18 экз.), параллельная (11 экз.) и бинаправленная (2 экз.). Встречаются и формы с прямой (3 экз.) и обратной (5 экз.) редуцией карниза.

Данные выводы дополняют уже имеющиеся данные о первичном расщеплении на раннем этапе верхнего палеолита, которые иллюстрируют находки с других участков памятника (слой 11 в центральном зале, слой 7 на предвходовой площадке и слои 11.1 и 11.2 в восточной галерее). Результаты также хорошо согласуются с предварительными данными о первичном расщеплении, полученными в результате исследования новых находок из южной галереи. Эти материалы демонстрируют превалирующее плоскостное расщепление, направленное в основном на производство отщепов с гладкой остаточной ударной площадкой и однонаправленной, либо ортогональной огранкой дорсала. Дополняют коллекцию нуклеусы, направленные на получение пластинчатых и мелких пластинчатых сколов, а также представительная коллекция пластин [4]. Дальнейшие исследования на данном участке памятника, а также введение в полный объем в научный оборот новых находок позволят воссоздать более полное представление о начальном этапе верхнего палеолита.

1. Деревянко А.П., Шуньков М.В., Анойкин А.А., Ульянов В.А. Новые результаты исследований верхнепалеолитического комплекса Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. Т. VI. С. 93–98.

2. Шуньков М. В., Козликин М. Б., Федорченко А. Ю., Михиенко В. А., Чеха А. М., Чеха А. Н. Каменные индустрии среднего и верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры: материалы 2019 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2019. Т. XXV. С. 299–305.

3. Jacobs Z., Li B., Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Bolikhovskaya N.S., Agadjanian A.K., Uliyanov V.A., Vasiliev S.K., O’Gorman K., Derevianko A.P., Roberts R.G. Timing of archaic hominin occupation of Denisova Cave in southern Siberia // Nature. 2019. Vol. 565. № 7741. P. 594–599.

4. Деревянко А. П., Шуньков М. В., Козликин М. Б., Федорченко А. Ю., Чеха А. М., Шалагина А. В. Новые результаты исследований верхнепалеолитического комплекса в южной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. Т. XXIII. С. 103–107.

Научный руководитель — канд. ист. наук М.Б. Козликин

Метод ZooMS – история использования, возможности и преимущества

У. С. Овсянникова

Новосибирский государственный университет

ZooMS (Zooarchaeology by Mass Spectrometry) – метод анализа пептидов коллагена при помощи ионизации вещества на масс-спектрометре с целью идентификации таксономической принадлежности костных фрагментов.

В 2007 и 2009 гг. были опубликованы результаты работ, посвященных исследованию молекул белка динозавров. В первой работе было выяснено, что *Tyrannosaurus rex* эволюционно наиболее тесно связан с птицами [1]. Позднее были дополнены результаты данных работ и приведен ряд доказательств, подтверждающих возможность сохранности молекул белка животных из мелового периода. В 2009 г. метод впервые был апробирован на археологическом материале, анализировались образцы копытных животных с археологической стоянки докерамического неолита типа В Аис Йоркис (*Ais Yiorakis*, Кипр). В результате проведенного анализа удалось определить принадлежность неопределимых фрагментов костей животных к *Ovicarpine* [2].

Работа в данном направлении была продолжена и авторами была решена проблема определения отдельно овец и коз. Используя образцы из археологической стоянки эпохи позднего неолита Домузтепе, расположенной на юго-востоке Турции, при помощи метода авторы определили 19 из 20 образцов до подвида. В 2011 г. продолжено исследование фауны из Домузтепе, помимо расширения количества образцов домашних животных, для анализа были привлечены и дикие виды. Так же в этом исследовании было доказано, что коллаген из дентина так же пригоден для ZooMS анализа, как и костный.

В 2014 г. ZooMS был использован для анализа более чем пятидесяти археологических образцов (от мезолита до раннего Нового времени) из семи различных мест Северной Атлантики. Множество исследуемых образцов оказались принадлежащими морским млекопитающим. Возможность ZooMS различать китообразных и ластоногих, в дальнейшем позволит сделать важные выводы об использовании их человеком и эволюционной истории этих видов [3].

Самым известным примером использования метода ZooMS при изучении археологического материала являются результаты исследований

неопределимых фрагментов костей из Денисовой пещеры. В 2016 г. было проанализировано 2315 образцов, отобранных из восточной галереи Денисовой пещеры (раскопки 2014 г.) в результате чего были обнаружены фрагменты костей неандертальца и денисовца [4].

Таким образом, метод ZooMS получил широкое распространение в археологии, его безусловными преимуществами является следующее:

- определение таксономической принадлежности фрагментированных костных останков, идентификация которых не возможна традиционными методами;
- определение таксономической принадлежности на уровне не только семейства, но вида и подвида, что не во всех случаях доступно морфологическому анализу;
- доступность оборудования и реактивов для проведения пробоподготовки образцов;
- хорошая сохранность пептидов коллагена, используемых для анализа, что позволяет анализировать образцы глубокой древности.

Автором планируется применять метод ZooMS для анализа фрагментированных костей из финальноплейстоценовых отложений Истыкской пещеры (Восточный Памир, Таджикистан). На настоящий момент проведена пробоподготовка 30 образцов. Использование ZooMS позволит установить основные виды животных, на которых охотился человек и определить основные адаптационные стратегии первых обитателей суровых высокогорных условий.

1. Asara J. M., Schweitzer M. H., Freimark L. M., Phillips M., Cantley L. C. Protein sequences from Mastodon and Tyrannosaurus Rex Revealed by Mass Spectrometry // *Science*. 2007. № 316. P. 280–284.

2. Buckley, M., Kansa S., Howard S., Campbell S., Thomas-Oates J., Collins M. Distinguishing between archaeological sheep and goat bones using a single collagen peptide // *Journal of Archaeological Science*. 2010. Vol 37 (1). P. 13–20.

3. Buckley M., Fraser S., Herman J., Melton N.D., Mulville J., Palsdottir A. H. Species identification of archaeological marine mammals using collagen fingerprinting // *Journal of Archaeological Science*. 2014. № 41. P. 631–641.

4. Brown, S., Higham, T., Slon, V. et al. Identification of a new hominin bone from Denisova Cave, Siberia using collagen fingerprinting and mitochondrial DNA analysis // *Scientific Reports*. 2016. № 6.

Научный руководитель — канд. ист. наук С. В. Шнайдер

Орнаментированный кинжал из коллекции Шестаково как предмет престижа

Т. Е. Ростяженко

Новосибирский государственный университет

Концепция престижных технологий была разработана канадским археологом Брайаном Хейденом в конце прошлого столетия [1]. В отличие от артефактов практического характера, предметы престижа нацелены на выполнение социальной задачи, а именно, привлечение новых трудовых ресурсов в группу через демонстрацию богатства и успеха. Также предметы престижа часто используются для вовлечения индивидов или целых семей в долговые обязательства и играют важную роль в межгрупповом и межрегиональном обмене. Количество ресурсов и трудовых затрат на производства предмета престижа определяют его как предмет-индикатор успеха [2]. Предметы престижа могут использоваться для экспонирования на важных общественных мероприятиях, но в то же время и выполнять функции предметов практических технологий. В некоторых случаях, несмотря на высокую стоимость и затраты труда, могут быть намеренно демонстративно уничтожены [3].

Позднепалеолитическое местонахождение Шестаково является ключевым объектом верхнего палеолита Западно-Сибирской равнины, находится на высоком правом берегу р. Кии, в 500 м. ниже по течению от с. Шестаково (Кемеровская обл.). Для различных культурных горизонтов памятника имеется значительное количество дат — от $25\ 660 \pm 200$ л.н. до $18\ 040 \pm 175$ л. н [4, с. 10–21]. Для стоянки характерно совместное залегания культурных материалов с остатками крупных млекопитающих, в большинстве – мамонта. Богатый каменный инвентарь сопровождается выразительными орнаментированными изделиями из кости (фрагменты наконечников, неопределенные предметы, два остистых отростка грудного позвонка мамонта), среди которых – орнаментированный костяной кинжал, изготовленный из ребра крупного животного [5].

Кинжал был найден во время раскопок под руководством А. П. Окладникова 1976 г. Он был обнаружен в квадрате 12-В внутри атланта мамонта в пяти фрагментах, один из которых был обломан. Соединенные части образуют предмет длиной 34 см, отсутствует острие. Предполагается, что кинжал был разломан еще в древности [4, с. 28]. Вдоль одной из граней, по всей длине кинжала, нанесены довольно глубокие насечки, чередующиеся с менее глубокими (108 шт.). Внутренняя сторона ребра заполирована, грани округлы и тоже заполированы.

Кинжал, очевидно, имеет палеолитический возраст (6/7 слой) от 20 до 22 тыс. л.н. [4, с. с. 16, 95].

Таким образом, размер, форма и сложность орнаментации предмета позволяют отнести этот предмет к уникальным артефактам из коллекции костяных предметов верхнепалеолитического памятника Шестаково.

Большая часть подобных предметов (изделия из кости из коллекций: Веретье I, Оленеостровский могильник, Кокшароско-Юрьинская стоянка и т.д.) характерна для более поздних эпох (мезолита-неолита).

Кинжал можно сопоставить с одним индикатором престижных технологий в археологических контекстах: орудия или оружие, сделанные с особым искусством. Все вышеперечисленное позволяет сделать предположение о том, что кинжал использовался как предмет престижа.

1. Лбова Л. В., Табарев А. В. Культура, искусство, ритуал. Происхождение и ранние этапы. Новосибирск: НГУ, 2010. 142 с.

2. Hayden B. Practical and Prestige Technologies: The Evolution of Material Systems // *Journal of Archaeological Method and Theory*. 1998. Vol.5. № 1. P. 1–55.

3. Owens D., Hayden B. Prehistoric Rites of Passage: A Comparative Study of Transegalitarian Hunter-Gatherers // *Journal of Anthropological Archaeology*. 1997. Vol. 16. P. 121–161.

4. Дервянко А. П., Молодин В. И., Зенин В. Н., Лещинский С. В., Машенко Е. Н. Позднепалеолитическое местонахождение Шестаково. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. 168 с.

5. Окладников А.П. Научный Отчет о раскопках Шестаковской палеолитической стоянки (Кемеровская область) в 1976 г. // Рукопись полевого научного отчета. Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1977. 24 с.

Научный руководитель — д-р ист. наук, проф. Л.В. Лбова

Детские погребения верхнего палеолита Северной Евразии в контексте концепций «археологии детства»

Е. С. Сидоровнина

Новосибирский государственный университет

Долгое время в науке детство считалось временем социальной пассивности и зависимости от взрослых. Но в культуре любого народа дети оставляют значительный след, в том числе и в самых ранних. В археологической науке данной тематикой занимается направление «археология детства». В качестве предмета изучения детство стали рассматриваться благодаря исследованиям в культурной и антропологии начала XX в. Их вклад заключается в том, что они показали особенности существования детства в разных примитивных культурах, где оно протекает по-разному и отличается друг от друга. Эти работы доказывают, что дети являются активными участниками в жизни своего общества.

Нами рассмотрены детские погребения верхнего палеолита на стоянках Сунгирь (34000–32000 л. н., кал.), Костенки (40000–42000 л. н., кал.) и Мальта (23000–19000 л. н., некал.) [1]. Они примечательны наличием разнообразного и богатого погребального инвентаря. Захоронения могут отражать социальную организацию доисторического общества и реконструировать роли детей в нем [2].

Палеопатология костей скелета указывают на то, что сунгирские дети активно участвовали в различной трудовой деятельности. У старшего мальчика был выявлен сильный износ плечевого сустава, что говорит об активном использовании правой руки и постоянном совершении ею круговых движений, возникающих, предположительно, при обработке шкуры [3]. Подобная ситуация встречается у подростка из Костенок-14, палеопатологии которого указывают на занятие охотой с раннего детства. Погребальный инвентарь в могилах детей из Костенок и Мальты содержал каменные орудия труда, что также может говорить об их участии в трудовой деятельности.

Игрушки – важная часть культуры периода детства. По артефактам каменного века довольно сложно определить, могут ли они относиться к элементам игры. Прежде всего, это связано со спецификой самого детства: ребенок благодаря творческому мышлению может наделять свойствами игрушки любой предмет. Поэтому орудия в детских погребениях рассматривают с подобной точки зрения. В качестве примера можно привести захоронение ребенка 3–4 лет на стоянке Мальта [4]. Рядом с ним лежал ряд каменных изделий, а также грубо обработанный кремниевый

нож. В силу своего раннего возраста мальчик вряд ли мог создать или полноценно ими пользоваться. Также стоит отметить, что дети могли использовать в качестве игрушек предметы, остатки которых до наших дней не сохранились, например, изделия из дерева, кожи, меха и т.п. Но подобный погребальный инвентарь вполне может говорить об анимистических представлениях, обрядах инициации и др. [5].

По сложным погребальным обрядам всех трех объектов можно говорить о трепетном отношении взрослых к умершим детям. Погребальный костюм детей из Сунгиря состоит из нескольких тысяч просверленных ракушек, на который по могло уйти 8–9 месяцев непрерывной работы опытного мастера [1]. В мальтинском погребении, помимо каменного инвентаря, встречаются престижные предметы неутилитарного значения: обломки диадемы из бивня мамонта, плечевой браслет, богатое ожерелье из сотни костяных бус, подвески с узорами и скульптурное изображение летящей птицы [4], изготовление которых требовало большого количества трудовых затрат.

Анализ детских погребений верхнего палеолита предоставляет обширную информацию для археологов. Детство в каменном веке обладало своей спецификой, с ранних пор дети были приобщены к участию в трудовой и охотничьей деятельности. Но, играя определенную роль в социальной и экономической жизни своего общества, дети оставались детьми, о чем свидетельствуют вероятные игрушки и обряды инициации.

1. Синецын А. А. Искусство, украшения и проблема эстетики раннего верхнего палеолита Восточной Европы // Верхний палеолит: образы, символы, знаки. Каталог предметов искусства малых форм и уникальных находок верхнего палеолита из археологического собрания МАЭ РАН. СПб: Экстрапринт, 2016. С. 320–337.

2. Children and Material Culture. London: Routledge, 2000. 256 p.

3. Бужилова А. П. // *Homo sungirensis*. Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования. М: Научный мир, 2000. С. 441–448.

4. Герасимов М. М. Мальта палеолитическая стоянка: (предварительные данные). Результат работ 1928-1929 гг. Иркутск, 1931. 34 с.

5. Алешкин В. А. Происхождение и развитие погребального обряда в традиционных обществах // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. СПб: Артэкспресс, 2014. С. 9–47.

Научный руководитель — д-р ист. наук, проф. Л. В. Лбова

**Роль ритуала в древнем Перу
(на примере комплекса Караль, Норте-Чико)**

В. А. Соколовский

Новосибирский государственный университет

Комплекс Караль (Caral) располагается в долине р. Супе и относится к культуре Норте-Чико (Norte Chico) или Караль-Супе (Caral-Supe), локализованной в одноименном районе на севере центральной части побережья Перу. Караль является одним из самых крупных памятников на территории всего тихоокеанского побережья Южной Америки, его площадь составляет 165 акров. Караль был обнаружен в 1948 г. американским исследователем Полом Косоком, а в 1994 г. команда перуанских археологов под руководством Рут Шейди начала археологические раскопки на территории комплекса. В русскоязычной археологической литературе встречаются упоминания о Карале без подробного анализа комплекса (Берёзкин Ю.Е., Табарев А.В.).

По мнению Р. Шейди, долина Супе – колыбель самого раннего государства на территории Анд, а Караль является её столицей. Религиозный культ стал основой для формирования системы господства Карая над сопредельными территориями [1]. Объяснением служит наличие похожей монументальной архитектуры во всём регионе [2]. В зарубежной археологической литературе есть мнение, что центральная роль церемониальной деятельности может служить хорошей отправной точкой для строительства монументальных комплексов, таких как Караль [3].

Жители Карая занимались сельским хозяйством и изготовлением ювелирных изделий. Основой сельского хозяйства было выращивание хлопка. Помимо торговли этим «ресурсом», в Карале были распространены изделия из хлопка. Найденные фрагменты украшены разнообразными узорами и использовались как в бытовых, так и в ритуальных целях. Ремесленная специализация включала в себя наличие бус, каменных инструментов, текстиля и флейт, извлеченных из «мастерских» и захоронений. В одной из мастерских под глиняным полом были обнаружены бусины, сделанные из хризоколлы, белого кварца, горного хрусталя, створок раковин съедобного моллюска (*Spondylus*) и жаберных крышек рыб. Были найдены каменные и костяные инструменты, которые были произведены для элиты [4].

Особое место среди ритуальных находок занимает собрание из тридцати двух флейт, сделанных из костей пеликана и кондора, и

украшенных антропоморфными и зооморфными изображениями. Предметы, очевидно, использовали в ритуальных целях. Было найдено примерно сто антропоморфных фигурок из необожжённой глины, которые по большей части разбиты. Вероятно, они использовались в ритуальном контексте как символ плодородия [4]. Примечательно, что при наличии таких фигурок на территории всего Норте-Чико отсутствовала керамическая посуда [2].

Захоронения занимают важное место в идентификации Карала как церемониального комплекса. В разных частях комплекса были найдены погребения людей, преимущественно детей младше одного года, что связано, вероятно, с представлениями о том, что этот класс жертвоприношений будет способствовать долгой жизни здания. На территории современных Анд этот обычай сохранился, но люди заменены животными или особыми предметами. Наличие таких предметов престижной экономики в погребениях указывает на дифференцированный доступ к товарам, что свидетельствует о социальной стратификации [4].

Таким образом, можно с уверенностью констатировать факт наличия ритуала в Карале, а сам комплекс называть церемониальным. Но более масштабной дискуссией является роль ритуала во всём Норте-Чико, в частности, его роли в появлении монументальной архитектуры в регионе.

1. Shady R. La Civilización Caral: Sistema Social y Manejo del Territorio y sus Recursos. Su Trascendencia en el Proceso Cultural Andino // *Boletín de Arqueología PUCP*. 2006. V.10. P. 59–90.

2. Haas, J., Creamer W., Ruiz A. Dating the Late Archaic occupation of the Norte Chico region in Peru // *Nature*. 2004. V. 432. P. 1020–1030.

3. Piscitelli M. Ritual is power? Religion as a possible base of power for early political actors in ancient Peru // *Religion and Politics in the Ancient Americas*. New York: Routledge, 2017. P. 189–209.

4. Shady R. America's First City? The Case of Late Archaic Caral // *Andean Archaeology III: North and South*. New York: Springer, 2008. P. 28–66.

Научный руководитель — д-р ист. наук А. В. Табарев

Ретушеры из кости в палеолитических комплексах Денисовой пещеры

Е. А. Францева

Новосибирский государственный университет

В древнем каменном веке кость, наряду с камнем, являлась одним из основных материалов для изготовления разнообразных орудий труда и предметов неутилитарного назначения. В данном исследовании рассматриваются такие слабомодифицированные орудия как костяные ретушеры. Их находят на палеолитических памятниках на обширной территории, которая включает в себя Европу, Ближний Восток и Восточную Азию. Применительно к Алтаю, первые костяные ретушеры были найдены в Чагырской пещере, позднее костяные ретушеры были найдены в Денисовой пещере. Эти изделия соотносятся со средним палеолитом и с начальной стадией верхнего палеолита [1; 2].

Костяные ретушеры – это неформальные орудия, представленные фрагментами кости, используемыми для нанесения ударов по каменным сколам-заготовкам с целью их модификации. К наиболее характерным признакам ретушеров относятся следы от использования, такие как выбоины, борозды, полосы с нерегулярными краями; следы создают собой четко видимую рабочую зону; различимы повреждения костной ткани, что позволяет говорить об интенсивности использования орудия [3].

Из фаунистических материалов раскопок Денисовой пещеры в 1992–2019 гг. были отобраны орудия, удовлетворяющие определению и характерным признакам костяных ретушеров. Всего 28 экз.: 11 – из центрального зала, 17 – из южной галереи пещеры [1].

Для изучения ретушеров целесообразно использовать такие метрические показатели как длина, ширина, толщина, вес, фрагментация, количество рабочих зон, степень утилизации [4].

Наиболее древний (МИС 7) костяной ретушер из слоя 21 центрального зала оформлен на фрагменте диафиза трубчатой кости. Четко выделяются три зоны интенсивной забитости, которые создают понижение рельефа. Изделие из слоя 19 (МИС 6) представлено ретушером на диафизе крупной трубчатой кости *Capra/Ovis*. Ретушеры из слоя 12 (МИС 4) представлены фрагментами, и лишь одно орудие является целым, и предположительно принадлежит животному размера бизона или носорога. Ретушеры ранней стадии верхнего палеолита из слоя 11 (первая половина МИС 3) оформлены на диафизах крупных трубчатых костей и в одном случае на фрагменте ребра крупного млекопитающего размера бизона.

Ретушеры из слоя 12 (МИС 4) южной галереи характеризуются хорошей сохранностью. Большинство изделий выполнено на крупных массивных фрагментах диафизов трубчатых костей крупных животных размера бизона, носорога и, возможно, мамонта. Показатели их длины варьируют в пределах 97–170 мм, ширины – 29–54 мм, толщины – 10–23 мм, веса – 46–133 г. Примечателен ретушер, с поверхности поперечного слома которого на дорсальную сторону снят пластинчатый скол. Одними из информативных следов износа являются следы скобления каменным инструментом, появившиеся в результате удаления надкостницы, а также следы погрызов хищников. На всех ретушерах следы утилизации имеют идентичную морфологию и различаются интенсивностью. Установлено, что степень утилизации не зависит от размера орудия [5].

Рассматривая коллекцию ретушеров в целом, можно сделать следующие выводы. Основой для орудий служили диафизы крупных трубчатых костей копытных животных; преобладают фрагментированные орудия, что связано как с естественным расслаиванием кости, так и с поломкой инструмента в процессе работы; выделено два типа фрагментации – поперечный и продольный; степень утилизации индивидуальна у каждого орудия; целые ретушеры подвергались незначительной вторичной обработке.

1. Козликин М.Б., Михиенко В.А., Францева Е.А., Шуньков М.В. Костяные ретушеры из Денисовой пещеры: новые материалы // Теория и практика археологических исследований, 2019. № 28. С. 7–14.

2. Колобова К.А., Маркин С.В., Чабай В.П. Костяные ретушеры в среднепалеолитических комплексах Чагырской пещеры // Теория и практика археологических исследований. 2016. № 16. С. 35–39.

3. Боманн М., Козликин М. Б., Плиссон Х., Шуньков М. В. Слабомодифицированные костяные орудия раннего верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Евразии и сопредельных территорий, 2017. Т. XXIII. С. 50–54.

4. Veselsky A.P. Kabazi-V: Bone and Stone Tools Used in Flint Knapping // Kabazi V: Interstratification of Micoquian & Levallois. – Mousterian Camp Sites. Simferopol, Cologne, 2008. P. 427–452.

5. Боманн М., Федорченко А.Ю., Козликин М.Б., Плиссон Х., Шуньков М.В. Костяные орудия среднего и верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. Т. XXIV. С. 32–36.

Научный руководитель – канд. ист. наук М. Б. Козликин

Результаты исследования памятников Толборской группы (Северная Монголия) в XXI в. (история исследования)

Т. А. Шевченко

Новосибирский государственный университет

Территория Монголии – важнейший регион для изучения путей миграции древнего человека в Евразии. Несмотря на это, каменный век на этой территории остается малоизученным. Задача усложняется тем, что в этом регионе мало стратифицированных памятников.

Первые годы нового столетия ознаменовались совместным проектом России, Монголии и США. В 2002 г. была выявлена стоянка Толбор-4 и еще 18 памятников, которые принадлежат большому хронологическому диапазону – от мустье до неолита [1; 2]. На местонахождении Толбор-4 археологические материалы не потревожены, выделяются среди артефактов бусина из скорлупы страуса и костяное шило, отмечается большой объем импортного сырья [2; 3]. Орудийный набор указывает на генетические связи с палеолитом Южной Сибири [2].

В 2006 г. Е. П. Рыбин обнаружил памятник Толбор-15 [2]. На местонахождении выявлено несколько зон каменного производства орудий, а также кострища, что свидетельствует о сжигании органического материала и ведении хозяйственной деятельности, такое явление зафиксировано впервые для территории Северной Монголии. В качестве сырья использовали материал из выходов сырья напротив памятника, а также речной аллювий [4].

К 2007 г. в долине реки Толбор было выявлено 15 местонахождений. В 2010 г. также были произведены разведочные работы и выявлены такие перспективные стоянки, как Толбор-16, -17 [5]. Памятник Толбор-16 многослойный, на нем обнаружен самый древний вариант начальной поры верхнего палеолита в долине реки Толбор.

В 2011 г. в ходе работ Монгольского палеолитического отряда ИАЭТ СО РАН (рук. С. А. Гладышев) был открыт памятник Толбор-21, с 2014 г. на нем проводятся стационарные раскопки. Здесь впервые для памятников Толборской группы были выявлены пятна кострищ в горизонте, датированном ранним верхним палеолитом, также найдены тщательно обработанные орудия и сопряженные с ними скопления фаунистических остатков [6].

Памятник Харганын-Гол-5 открыт в 2012 г. Это единственный в Северной Монголии стратифицированный комплекс финального среднего палеолита. Материалы из горизонтов начального верхнего палеолита

являются весьма своеобразными – концевые скребки, скребла, крупные ретушированные пластины и разнообразные острия представлены лишь единичными экземплярами. Для этого памятника характерны перфорирующие орудия, которые в особенно большом количестве встречаются в горизонте 5 [7].

Исследование территории Монголии является важным вопросом для мировой археологии, изучение которого раскрывает вопросы миграции и взаимодействия обществ древнего человека на территории всей Азии.

1. Деревянко А. П., Олсен Д., Цэвээндорж Д., Гладышев С. А., Зенин А. Н., Цыбанков А. А., Чаргынов Т. Т. Археологические исследования Российско-монгольско-американской экспедиции в 2004 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. 2004. Ч. I. С. 87–89.

2. Деревянко А. П., Зенин А. Н., Рыбин Е. П., Гладышев С. А., Цыбанков А. А., Олсен Д., Цэвээндорж Д., Гунчинсурэн Б. Технология расщепления камня на раннем этапе верхнего палеолита Северной Монголии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 1. С. 16–38.

3. Гладышев С.А. Верхний палеолит Монголии: итоги и перспективы изучения (историографический обзор) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2008. Т. 7. Вып. 3. С. 34–43.

4. Хаценович А. М., Рыбин Е. П., Гунчинсурэн Б., Олсен Д. Кострища стоянки Толбор-15: планиграфия поселения и деятельность человека в ранней стадии верхнего палеолита Монголии // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. Вып. 7. С. 38–49.

5. Гладышев С. А., Гунчинсурэн Б., Попов А. Н., Табаров А. В., Болорбат Ц., Одсурэн Д. Новые памятники каменного века в долине р. Их-Тулбэрийн-Гол, Северная Монголия (по материалам 2010 г.) // Археологийн Судлал. Улан-Батор: ИА МАН, 2011. Том XXX. С. 51–64.

6. Рыбин Е. П., Хаценович А. М., Звинс Н., Гунчинсурэн Б., Пэйн К., Болорбат Ц., Анойкин А. А., Харевич В. М., Одсурэн Д., Маргад-Эрдэнэ Г. Стратиграфия и культурная последовательность стоянки Толбор-21 (Северная Монголия): итоги работ 2014–2015 гг. и дальнейшие перспективы исследований // Теория и практика археологических исследований. 2017. №4(20). С. 158–168.

7. Хаценович А. М., Рыбин Е. П., Гладышев С. А., Маркин С. В. Варибельность орудийного набора палеолитической стоянки Харганын-Гол-5 в Северной Монголии // Вестник Кемеровского университета. 2015. №2 (62). С. 167–176.

Научный руководитель — канд. ист. наук, ст. препод. Л. В. Зоткина

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА

УДК 902/904/903.25/903.01/09

Трасологический и технологический анализы каменных бус из грунтового могильника Тесинский Залив-3

Е. В. Губенко

Новосибирский государственный университет

Бусы являются ценным источником для изучения гунно-сарматского времени на территории Хакасско-Минусинской котловины. В настоящее время в музеях Красноярского края и Республики Хакасия хранятся археологические коллекции бус изготовленных из различных материалов: египетского фаянса (пасты), стекла, камня [1]. В литературе отмечалось, что процесс стекловарения требует особых условий и наличие сырьевой базы, специальных знаний и навыков [2]. Помимо пастовых бус в погребальных памятниках тесинской и таштыкской культур встречаются изделия из сердолика, агата, бирюзы, аметиста, флюорита, гагата, коралла.

Одним из перспективных направлений исследования бус является технологический анализ, позволяющий по особенностям их производства выделить отдельные группы украшений. В ходе трасологического анализа была исследована небольшая коллекция сердоликовых бус (4 экз. шестигранной и бочонковидной формы), обнаруженных в погребении 2А грунтового могильника Тесинский Залив-3 [3].

Исследование базировалось на методике экспериментально-трасологического анализа С.А. Семенова [4]. Из найденных изделий только на трёх сохранность поверхности определена как удовлетворяющая для трасологического анализа следов технологических операций. В результате наблюдений была определена последовательность операций, а также инструментарий, применяемый при обработке бус.

Набор инструментов, используемый при изготовлении украшений, состоял из сверла, развертки и абразивов различных типов. Также выявлено четыре последовательных технологических этапа:

I этап – работа с заготовками. На торцах бус зафиксированы следы обработки с помощью крупнозернистых абразивов. На боковых плоскостях они не отмечены, из-за полировки на заключительном этапе.

II этап – *сверление*. Отмечено одностороннее сверление, а также следы кернения, ставшие менее заметными при дальнейшей шлифовке и полировке поверхности.

III этап – *развальцовка*. На выходе сверла отмечено выкрашивание части материала. Для сглаживания острых неровных краев с помощью разверстки происходила развальцовка выхода сквозного канала.

IV этап – *полировка*. Завершающим этапом работы по изготовлению украшения являлось притупление граней, удаление следов абразивной обработки.

Историография изучения технологии обработки каменных бус не многочисленна. Одной из работ является статья Г.Г. Леммлейна, в которой он выделяет пять последовательных операции по изготовлению бус: получение заготовки путем скалывания, сверление отверстия, придание окончательной формы шлифовкой, полировка и нанесение декора [5]. Из них первые четыре выделяются в качестве основных, что совпадает и с выявленными нами этапами производства украшений из сердолика.

Необходимо отметить, что изготовление трёх бус из погребения 2А проходило по единой технологии. Не исключено, что они происходят из одного ремесленного центра и являются продукцией одного мастера, хорошо знавшего свойства обрабатываемого материала.

Выражаем благодарность д-р ист. наук П.В. Волкову за помощь в работе с коллекцией украшений могильника Тесинский Залив-3.

Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности Лабораторий гуманитарных исследований НГУ.

1. Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб: Центр «Петербургское Востоковедение», 1999. 440 с.

2. Галибин В. А. Особенности состава фаянсовых и стеклянных украшений из памятников Южной Сибири V в. до н.э. – I в. н.э. (по данным количественного спектрального анализа) // КСИА. М., 1985. № 184. С. 14-21.

3. Митько О. А., Скобелев С. Г., Ширин Ю. В., Зубков В. С., Поселянин А. И., Давыдов Р. В., Журавлева Е. А., Половников И. С., Собинов Р. Л. Грунтовый могильник таштыкской культуры Тесинский Залив-3: итоги полевого сезона 2018 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXIII. Новосибирск: Издательство ИАЭТ СО РАН, 2018. С. 285-289.

4. Семенов С.А. Первобытная техника // МИА. М.; Л.: Наука, 1957. № 54. 241 с.

5. Леммлейн Г.Г. Техника сверления каменных бус из раскопок на Кавказе // КСИИМК. Вып. XVIII. М.–Л., 1947.С. 22–30.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доцент О. А. Митько

История изучения Кушанского царства по археологическим и письменным источникам в XIX-нач. XX вв. английскими исследователями

В. Л. Денисенко

Новосибирский государственный университет

На территории Средней Азии в первых вв. н. э. сложилось могущественное Кушанское царство, которое сыграло значительную роль в истории Евразии. Целью настоящей работы является выполнение прикладного исследования, краткое освещение первых исторических и археологических работ английских исследователей, связанных со становлением кушанской археологии.

До XIX в. в научном сообществе были только гипотетические представления о кушанах, основанные на сопоставлениях и интерпретации различных письменных источниках без привлечения объектов материальной культуры [1]. История кушанской археологии начинается с XIX в. благодаря открытиям английских исследователей памятников, связанных с периодом расцвета Кушанского царства (II–III в.н.э.) на современной территории Афганистана и Пакистана.

В 1808 г. британский посол Маунтстюарт Эльфинстон посетил с миссией Афганистан. Во время своей поездки он собрал информацию из различных источников об истории, географии, местных жителях, их обычаях и образе жизни. В итоге он написал подробный отчет для Ост-Индской компании, опубликованный в 1815 г. под названием "Рассказ о Кабульском королевстве и зависимых от него территориях в Персии, Тартарии и Индии". На страницах этого отчета было упоминание о неопознанном памятнике культуры вблизи деревни Манкиала (в 40 км к юго-востоку от Исламабада) [2]. Год спустя он был идентифицирован В. Эрскином как буддийская ступа и получил название Великая ступа из Манкиалы. В мае 1830 г. Жан-Батист Вентура провел раскопки этой буддийской ступы и подарил все свои находки Джеймсу Принсепу – английскому историку, исследователю древнеиндийской письменности и нумизмату. Среди находок были монеты с изображениями и надписями на брахми и бактрийском языках правителей Канишки I и Хувишки. Благодаря соотнесению Джеймсом Принсепом нумизматических данных с письменными греческими и бактрийскими источниками установлено, что Канишка I и Хувишка были царями, правившими Кушанским царством в начале н.э. [1].

Следующий этап изучения кушанской культуры связан с деятельностью Александра Каннингема, первого назначенного в 1861 г. директора Археологической службы Индии, который начал активную институционализацию археологических исследований в регионе. Цель раскопок состояла в том, чтобы собрать коллекции для Азиатского общества в Калькутте и недавно открытых музеев Пешавара и Лахора. К концу XIX в. большинство известных на сегодня мест связанных с Кушанской империей были идентифицированы или раскопаны. Это буддийские монастыри в Пешаварской долине (Джамалганхи, Тахти-и-Бахи, Рагигах, Хархай, Сахри-Бахлал и Тарели) [3], расположенные вокруг Таксилы (Яулиан, Мохра-Моляран, Баоти-Пинд), а также буддийские памятники в окрестностях Матхуры (Катра, Канкали Тила, Чаубара) [4].

Между 1913 и 1934 гг. Джон Маршалл, занявший пост генерального директора Археологической службы Индии, сосредоточился на исследовании вокруг Таксилы и провел раскопки в древних буддийских храмах Калавана, Дхармараджики, Гири, Мохара, Мораду, Бхамала и городе Сирсук, основанных кушанами. Исследователь разработал новую систему датирования памятников кушанской культуры, основанную на стратиграфических отложениях и различии каменной кладки.

Можно заключить, что Джон Маршалл положил начало новым направлениям археологических исследований. С тех пор в археологии Северной Индии и сопредельных территорий приоритет отдается сохранению и консервации объектов материальной культуры. Все более подробные отчеты содержали обширные описания и фотографическую документацию, собранные артефакты рассматривались в археологическом контексте.

1. Prinsep J. On the Coins and Relics Delivered by M. le Chevalier Ventura in the Tope of Manikyala // *Journal of the Asiatic Society of Bengal*. 1834. № 3. Pp. 313–320.

2. Bayly C. A. Elphinstone, Mountstuart (1779–1859) // *Oxford Dictionary of National Biography*. Oxford, U.K.: Oxford University Press, 2004. (On-line ed.: <https://www.oxforddnb.com/help/subscribe#public>).

3. Errington E. The Western Discovery of the Art of Gandhāra and the Finds of Jamālgarhī // *School of Oriental and African Studies*. London, 1987. Pp. 210–214.

4. The Kushāna Art from Mathura // *Kushāna Sculptures from Sanghol*. New Delhi, 1985. Pp. 33–48.

Научный руководитель – чл.-корр. РАН Н. В. Полосьмак

Каменные “луновидные” подвески эпохи раннего металла

Н. Е. Ермолович

Новосибирский государственный педагогический университет

В археологии изучению украшений всегда уделялось особое, пристальное внимание. Для периода ранней бронзы Западной Сибири одним из наиболее ярких предметов являются каменные «луновидные» подвески. Самой древней из известных нам луновидных подвесок является экземпляр из могильника Сопка-2/3. Подвеска была найдена в усть-тартаском погребении №677, в районе головы мужчины, среднего возраста [1]. Сделана из зеленого нефрита.

Также луновидные подвески были найдены в захоронениях одиновской культуры, памятника Усть-Тартас-2. Одна мраморная подвеска была обнаружена у восточной стенки захоронения №29 [2]. Вторая располагалась у плечевой кости погребенного в могиле №61 [3].

Серия украшений этого типа происходит из кротовских памятников Западной Сибири. В могильнике Ордынское-1 найден фрагмент подвески, расположенный с левой стороны от черепа взрослого человека [4]. Длина этого изделия – 4 см., ширина – 1,55 см

На памятнике Сопка-2/4Б,В подвески обнаружены в двух захоронениях. В первом случае были обнаружены 4 подвески: две в районе головы, одна в области груди, и еще одна на поясе женского погребения №65. Во втором случае подвеска обнаружена в мужском захоронении №160 на левой стороне груди. Выполнена из сланца. Длина ее 23,8 см, а максимальная ширина 3,8 см [5]. Три подвески найдены в могильнике Тартас-1 [6]. Две из них в погребении №409. Их размеры 55,0×1,6×4,6 см и 9,7 × 4,5×0,5 см соответственно. Третья подвеска найдена в районе таза скелета погребения №381.

Следует отметить находки луновидных подвесок на памятниках самусьской культуры. На поселении Самусь-IV В. И. Матюшенко обнаружено 4 экземпляра. Все они были выполнены из глинистого сланца. Размеры данных подвесок варьируются в длине от 1,3 см до 4 см, а ширина от 0,5 см. до 0,3 см.

Данные подвески встречены в материалах глазковской культуры. А. П. Окладников нашел два таких украшения в погребении №2 Усть-Илгинского могильника.

В целом данный инвентарь располагался у погребённых в трёх вариантах: на груди (Сопка-2/4Б, В), на голове или рядом с ней (Сопка-2/3,

Сопка-2/4Б, В, Ордынское-1), и у пояса (Тартас-1). Видимо украшение являлось частью украшений одежды и головного убора.

Учитывая датировку усть-тартасских могил некрополя Сопка-2/3 время появления луновидных подвесок можно отнести к IV – первой половине III тыс. до н. э. Присутствие их в материалах одиновской, кротовской, самусьской, окуневской и глазковской культур расширяет время их существования на весь период III тыс. до н. э. и возможно, на самое начало II тыс. до н. э. Видимо для этого времени они являлись эпохальным, надкультурным явлением. Зона распространения охватывала Западносибирскую равнину, Алтай, часть Восточной Сибири.

1. Молодин В. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001. 127 с.

2. Молодин В. И., Хансен С., Мыльникова Л. Н., Райнхольд С., Дураков И. А., Кобелева Л. С., Нестерова М. С., Ненахов Д. А., Ефремова Н. С., Ненахова Ю. Н., Селин Д. В., Демахина М. С. Основные итоги полевых исследований Западно-Сибирского отряда Института археологии и этнографии СО РАН в Барабинской лесостепи в 2018 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2018. Т. XXIV. С. 293–298.

3. Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Нестерова М. С., Кобелева Л. С., Селин Д. В., Ненахов Д. А., Степанова В. С. Основные результаты исследования могильника эпохи бронзы Усть-Тартас-2 в 2019 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2019. Т. XXV. С. 471–477.

4. Молодин В. И., Дураков И. А. Погребения эпохи ранней-развитой бронзы могильника Ордынское-1 (новая версия историко-культурной концепции) // Археология, этнография и антропология Евразии. № 4 (56). 2013. С. 94–101.

5. Молодин В. И., Гришин А. Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. Т. 4. 452 с.

6. Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Новикова О. И., Дураков И. А., Кобелева Л. С., Ефремова Н. С., Соловьев А. И. К периодизации культур эпохи бронзы Обь-Иртышской лесостепи: стратиграфическая позиция погребальных комплексов ранней – развитой бронзы на памятнике Тартас-1 // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3 (47) 2011. С. 40–56.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доцент И. А. Дураков

К вопросу о происхождении пазырыкской культуры Горного Алтая (библиографический очерк)

Ф. В. Кокорев

Новосибирский государственный университет

Пазырыкская культура – ярчайшая культура кочевников Горного Алтая VI—III вв. до н. э., принадлежащая к скифо-сибирскому миру. Её территория простиралась от Западной Монголии на востоке до Предалтайской равнины и Иртыша на западе [1]. Открытая в 1865 г. В. В. Радловым, эта культура постоянно находится в центре научных дискуссий, являясь археологической культурой всемирного значения.

Вопрос о происхождении пазырыкской культуры до сих пор остаётся дискуссионным, поскольку нет обобщающих работ, в которых в рамках единой концепции и методологии была бы представлена цельная картина появления данной культуры. В связи с этим, целью работы является выявление наиболее приемлемой гипотезы культурогенеза номадов пазырыкской культуры на основании существующих в науке концепций отечественных исследователей.

Нами был проведён анализ основных гипотез происхождения пазырыкской культуры, в результате чего были выделены 3 основных группы:

1) гипотезы южного происхождения (с учётом гипотезы отождествления пазырыкцев с юэжжами), связываемые с миграциями племён Тарбагатая, Тянь-Шаня, Среднеазиатского междуречья и оазисов Бактрии на территорию Горного Алтая (С. С. Иванов, С. С. Тур, Б. А. Литвинский, М. Н. Погребова, Д. С. Раевский, С. И. Руденко, С. В. Киселёв, Д. Г. Савинов);

2) гипотеза переднеазиатского происхождения, разработанная Л. С. Марсадаловым исходя из сходства погребального обряда и инвентаря тумулусов Гордиона (Турция, VIII–VII вв. до н.э.) и Алтая (VI–IV вв. до н. э.), основанная на проникновении в Горный Алтай в VI в. до н. э. пазырыкского этноса;

3) гипотезы синкретичного происхождения культуры в результате слияния племён более развитой западной цивилизации с автохтонными племенами Горного Алтая (В. А. Могильников, В. И. Молодин, Н. В. Полосьмак, П. И. Шульга, Т. А. Чикишева).

Исходя из последних археологических, антропологических и палеогенетических данных, наиболее обоснованной следует считать группу гипотез синкретичного происхождения пазырыкской культуры.

В частности, по мнению В. И. Молодина, происхождение пазырыкской культуры связано с тесным взаимодействием этнически самодийской каракольской культуры с представителями этнически иранской бегазыдандыбаевской (либо близкой ей) культуры, в результате чего произошло смешение двух разных народов, породивших новую иранско-самодийскую пазырыкскую культуру [2].

Н. В. Полосьмак и Т. А. Чикишева считают, что пазырыкская культура появилась в Горном Алтае в результате влияния более развитой западной цивилизации, поскольку археологический материал культуры содержит комплекс среднеазиатских, индийских и переднеазиатских заимствований [3].

П. И. Шульга приходит к выводу, что пазырыкская культура (VI–III вв. до н.э.) появилась, с одной стороны, при участии внешнего импульса, а с другой – от «куюмцев», «семисартцев» и от населения раннескифского времени предгорий Горного Алтая и граничащих с ним южных территорий. Также, учёный отмечает, что основные типы поселенческой керамики в Горном Алтае имелись уже в VII в. до н. э. у населения бийкенской культуры и полностью наследовались носителями пазырыкской культуры (VI–III вв. до н. э.) [4], что, по нашему мнению, подтверждает преемственность культурных традиций во времени.

Таким образом, общей концепцией учёных выделенной нами группы является синкретичность пазырыкской культуры, явившейся следствием развития местных археологических культур на базе автохтонного самодийского ядра каракольской культуры II тыс. до н.э., с заметным участием мигрантов иранского происхождения, проникших в первой половине I тыс. до н. э., предположительно с территории Казахстана, на территорию Горного Алтая.

1. Кубарев В. Д., Шульга П. И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул: Изд-во АГУ, 2007. 284 с.

2. Молодин В. И. Пазырыкская культура: проблемы этногенеза, этнической истории и исторических судеб // Археология, этнография и антропология Евразии. № 4 (4) 2000.

3. Полосьмак Н. В., Чикишева Т. А. Пазырыкская культура в свете миграционных процессов в древности // Мобильность и миграция. Концепции, методы, результаты. Новосибирск. ИАЭТ СО РАН, 2019.

4. Шульга П. И. Скотоводы Горного Алтая в скифское время (по материалам поселений): Новосибирск: РИЦ НГУ, 2015. 336 с.

Научный руководитель — канд. ист. наук П.И. Шульга

К вопросу о прядении у населения Обь-Иртышского междуречья в эпоху развитой бронзы

И.А. Кравченко, С.С. Нестеров

Новосибирский государственный педагогический университет

Изучение прядения у населения Обь-Иртышского междуречья в эпоху бронзы является очень сложным процессом. Это объясняется в первую очередь с плохой сохранностью орудий труда, а также самих изделий.

Основным источником по изучению прядения у населения Обь-иртышского междуречья в эпоху развитой бронзы являются пряслица. Как отмечают исследователи к началу бронзового века происходит увеличение данного типа находок. Это свидетельствует, видимо, о распространении прядения, как неотъемлемой части жизни людей.

В работе приведен анализ пряслиц у населения кротовской и самусьской культур с памятников Венгерovo-2, Преображенка-3, Крохалевка-1. Находки пряслиц на поселениях культур развитой бронзы является распространенным явлением. Всего нами было учтено 16 пряслиц и 4 изделия, которые некоторые исследователи определяют как заготовки для них [1]. По своей форме они схожи с пряслицами и отличаются от них только отсутствием отверстия по середине.

Методика, используемая в данной работе, была разработана и апробирована исследователями ИАЭТ СО РАН М. А. Чемякиной и Л. Н. Мыльниковой на материалах эпохи железа [2].

Всего нами было выявлено 4 типа изделий.

Тун 1. Керамические пряслица усечено-пирамидальной формы представлены шестью экземплярами (30% от общего числа изделий).

Диаметр изделия варьируется от 32 мм до 61 мм, высота от 5 мм до 9 мм. Форма отверстия в двух случаях имеет очертания обрезаемого конуса, имеющего диаметр на входе 5 мм, на выходе 3 мм. В двух случаях изделие имеет цилиндрическое отверстие шириной 3–4 мм. У остальных двух пряслиц отверстия расширяются к краям, их диаметр – 7 мм. Четыре изделия орнаментированы, с одной стороны, шагающим гребенчатым штампом. Оставшиеся два орнамента не имеют.

Тун 2. Керамические дисковидные пряслица, представлены 12 экземплярами (60 % от общего числа изделий).

Диаметр пряслиц достаточно различен и может варьироваться от 20 до 56 мм, высота от 3 до 8 мм. Отверстие в 4 изделиях имеет цилиндрическое очертание, размер которого варьируется от 4 до 6 мм. В четырех случаях отверстие имело цилиндрические очертания размерами 2–4 мм, при этом

оно расширялось по краям до 10 мм. Четыре экземпляра представлены заготовками и отверстий не имели. Орнамент в трех случаях передан линиями насечек, в одном – гребенчатым штампом. Оставшиеся изделия орнамента не имели.

Огромный интерес представляют изделия 3 и 4 типов.

Тун 3. Керамическое биконическое пряслице. Тип выделен по единичному экземпляру (5% от общего числа изделий). Диаметр его – 22 мм, высота 7 мм. Отверстие имеет цилиндрическое очертание и диаметр 2 мм. Орнамента нет.

Тун 4. Керамические шаровидные пряслица, представлены в коллекции единичным экземпляром (5% от общего числа изделий). Размеры его составляют 22 мм в длину и 20 мм в ширину. Отверстие цилиндрической формы, диаметром – 3 мм. Орнамента нет.

Все учтенные нами изделия изготовлены из глины. Чаще всего они получены из фрагментов посуды. Аналогичные изделия были найдены и на поселениях кротовской культуры в Среднем Прииртышье [3].

Заметим, подобные изделия встречаются и в более позднее время у представителей позднеирменской культуры на памятниках Завьялово-5, Туруновка-4, Чича-1, Усть-Алеус-2.

Таким образом, мы видим, что в эпоху развитой бронзы прядение начинает формироваться как один из элементов домашнего производства. В хозяйстве использовались керамические пряслица, которые изготавливались в основном из осколков бытовой керамики. Чуть меньше половины изделий (40%) имело орнаментацию.

1. Матвеева Н. П., Берлина С. В., Рафикова Т. Н. Коловское городище. Новосибирск: Наука, 2008. 240 с.

2. Чемякина М. А., Мыльникова Л. Н. К вопросу о прядении у саргатцев (по материалам поселенческого комплекса Омь-1) // Археология вчера, сегодня, завтра. Новосибирск, 1995. С. 52-63.

3. Стефанова Н. К. Кротовская культура в Среднем Прииртышье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988. С. 53-75.

Научный руководитель — канд. истор. наук, доцент И. А. Дураков

**Адаптация сейминско-турбинского феномена на территории
Новосибирского Приобья в эпоху ранней бронзы
(на материалах памятника Иня-11)**

А. А. Ларочкин

Новосибирский государственный педагогический университет

Изучение сейминско-турбинского феномена к настоящему времени насчитывает уже более ста лет, но данная тема всё ещё актуальна. Спорными являются его место появления, культурная принадлежность, характер распространения и время существования. Исходя из этого, особое внимание привлекают находки изделий сейминско-турбинского круга из «закрытых комплексов». Именно к таким принадлежат объекты поселения Иня-11.

Памятник располагается в Тогучинском районе Новосибирской области, в 3,3 км к юго-западу от с. Кусково, в 1,1 км к северо-востоку от с. Изылы, и в 0,5 км к юго-востоку от Изылинской пещеры [1]. Открыто и исследовано В. А. Захом. В 1978, 1980 и 1984 гг им было вскрыто 368 кв. м площади.

Культурные напластования памятника стратиграфически и планиграфически делятся на три слоя. Верхний представляет собой черный суглинок мощностью 0,2–0,5 м с комплексом гребенчато-ямочной посуды [2]. Также обнаружены три каменные кладки, что позволяет отнести этот комплекс к «закрытому» типу. В первой кладке обнаружены обломки сосудов и фрагменты литейных форм.

Здесь зафиксированы обломки от трех форм для отливки кельтов. Наиболее крупный обломок предназначен для отливки кельта с овальной втулкой размером 2,8x4 см. Тулово шестигранное с четко выраженными ребрами жесткости. На тыльной стороне формы прослеживается овальное углубление сближающее её с серией кротовских форм из погребений №55 и №91 могильника Сопка-2, имеющих такую же деталь.

Вторая форма представлена более мелким обломком. В ней так же отливался восьмигранный в сечении кельт с валиком вдоль внешнего края втулки.

В. А. Зах относит отливаемые в этих формах изделия к разрядам К-36 и К-40, отмечая их близость к сейминско-турбинским сериям К-4 и К-8 [2].

Следует отметить, что особенностью кельтов разряда К-36 является наличие раструба в верхней части втулки. Найденную форму трудно отнести к этому типу, поскольку верхняя часть не сохранилась. Также сложно отнести находку однозначно к разряду К-40, так как при

отсутствии литейного стержня никаких различий между разрядами К-6 и К-40 выявить нельзя.

Интересна культурная принадлежность комплекса. В инвентаре памятника Иня-11 был выявлена коллекция керамики (19 экз.). Она представлена плоскодонными сосудами баночной формы со слегка наклоненным внутрь и отогнутыми наружу венчиками. Сосуды полностью покрыты орнаментом в виде чередования поясков ямочных вдавлений и гребенчатых штампов [2].

В.А. Зах относил данный керамический комплекс к большеларьякскому типу, выделенным в 1970-х гг. В. А. Посредниковым [3] в таежной части Среднего Приобья по материалам памятников Большой Ларьяк-2 и 3 [2].

Аналоги керамики с поселения Иня-11 встречаются в сегменте могильника Сопка-2/2 в Барабинской лесостепи, отнесенный В. И. Молодиным к гребенчато-ямочной общности эпохи ранней бронзы [4].

Открытым остается вопрос о датировке гребенчато-ямочного слоя поселения Иня-11. В. А. Зах датирует его первой четвертью II тыс. до н. э. [2]. Однако, исходя из современной датировки ямочно-гребенчатого комплекса могильника Сопка-2/2 в пределах IV–первой половины III тыс. до н. э. [4], время существования поселения Иня-11 следует удревнить. Учитывая находки изделий сейминско-турбинского типа, памятник, видимо следует отнести к самому концу этого периода.

Таким образом, находка формы для отливки кельта сейминско-турбинского типа в «закрытом» комплексе с гребенчато-ямочной керамикой Иня-11 является уникальной. Это позволяет предположить, что эта традиция литья заимствуется носителями гребенчато-ямочной керамики в первой половине III тыс. до н. э.

1. Археологические памятники Тогучинского района Новосибирской области. Новосибирск: НПЦ по сохранению историко-культурного наследия, 2000. 101 с.

2. Зах В. А. Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического микрорайона). Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1997. 132 с.

3. Посредников В. А. Керамика эпохи бронзы из Большого Ларьяка // Вопросы археологии и этнографии Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1978. С. 13–25.

4. Молодин В. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001. 127 с.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доцент И. А. Дураков

Эволюция мегалитического строительства на Северном Кавказе в III тысячелетии до н.э.

Г.А. Машков

Санкт-Петербургский государственный университет

В настоящее время одной из наиболее актуальных проблем северокавказской археологии является исследование мегалитического строительства в данном регионе в период бронзового века. Широко известны дольмены, относящиеся преимущественно ко II тыс. до н.э. и являющиеся одним из наиболее важных и популярных объектов археологических исследований. Однако не менее важным является вопрос о происхождении данных памятников, так как центры мегалитического строительства фиксируются во всем мире независимо друг от друга, имея значительную хронологическую и типологическую дифференциацию.

Относительно дольменов Западного Кавказа более ранними являются памятники майкопской и новосвободненской культур – подкурганые мегалитические гробницы. Сразу после начала их исследования во второй половине XIX века встал вопрос об их происхождении [1, с. 314]. В ходе обсуждения данной проблемы было предложено несколько схем: единый центр происхождения (миграционная теория), двойной центр происхождения и автохтонная теория. Первоочередными в настоящее время являются миграционная и автохтонная теории, содержащие в себе принципиально отличные подходы к решению проблемы. Первой получила развитие автохтонная теория, так как свод дольменных памятников, известных исследователям, был ещё незначителен. С точки зрения Фридриха Байерна, обратившего внимание на преимущественно предгорное расположение мегалитов, их строительство было связано с залежами известняка, располагавшимися поблизости [1, с. 314]. Этот вывод нельзя считать бесспорным, поскольку нет четкой взаимосвязи между распространением носителей культуры и технологий. Но ещё больше проблем было у миграционной теории, поскольку существует несколько вариантов происхождения мегалитического строительства, сформулированных в ее рамках, что стало возможным, в свою очередь, только благодаря накоплению достаточного объема информации о мегалитических памятниках. Так, гипотеза о средиземноморском центре была выдвинута только в 1960 г. [2]. В вопросе типологии памятников консенсус также отсутствовал – в работах начала XX века разницы между подкурганными гробницами и дольменами (в современном понимании) просто нет [3].

Прорыв в решении данной проблемы произошёл, начиная с 1970-х гг., и он связан с работами выдающихся отечественных исследователей В. И. Марковина и А. Д. Резепкина. Первый, не выдвигая конкретных утверждений о происхождении мегалитического строительства на Кавказе, произвёл критический анализ всех существовавших на тот момент точек зрения по данному вопросу [4]. По его мнению, развитие мегалитического строительства неразрывно связано с развитием культуры, в связи с чем при построении типологии необходимо учитывать и полученные датировки. Однако, известно, что существуют значительные различия между общепринятыми датировками и радиоуглеродными датами [5]. Критикуя А. Д. Резепкина за его сосредоточенность на эволюции типов построек и гипотезу о западноевропейском влиянии, В. И. Марковин, однако, не замечал переходные звенья в типологических схемах и не высказывал своих гипотез о генезисе дольменной традиции, оставаясь сторонником средиземноморской теории.

Вместе с тем, если использовать подход, предложенный В. И. Марковиным, то можно прийти к выводу, что генезис мегалитического строительства на Северо-Западном Кавказе имел разнонаправленный характер, а предшествующие подкурганам майкопским гробницам конструкции следует искать в энеолитических слоях, однако о данном периоде до сих пор имеется очень мало сведений.

1. Байерн Ф. О древних сооружениях на Кавказе. // Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, 1871. Т. 1. 342 с.

2. Лавров Л. И. Дольмены Северо-Западного Кавказа // Труды АБИНЯЛИ. Сухуми, 1960. № 31. С. 101–178.

3. Веселовский Н. И. Алебастровые и глиняные статуэтки домикенской культуры в курганах южной России и на Кавказе // Известия Императорской археологической комиссии. СПб., 1910. № 35. С. 1–11.

4. Марковин В. И. Курган Псынако – памятник дольменной культуры Кавказа. Нальчик: Изд-во КБИГИ. 2011. 84 с.

5. Рысин М. Б. Проблемы хронологии и периодизации майкопских памятников Северного Кавказа (радиоуглеродные датировки и традиционная археология) // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб., 2012. Кн. 2. С. 107–113.

Научный руководитель — канд. ист. наук Е. А. Черленок

Писаница Кюнкю (Южная Якутия): перспективы изучения

А. И. Михайлова.

Северо-Восточный федеральный университет, г. Якутск

Объект археологического наследия – памятник наскального искусства «Писаница Кюнкю» открыта Н. Н. Кочмаром в 1982 г. на левом берегу р. Амга (934 км), на участке ее петлеобразного изгиба рядом с пос. Верхняя Амга Алданского района Республики Саха (Якутия). На 12–25-метровой известняковой скальной гряде, на уровне 4–7 м от уреза реки им были выделены три плоскости с шестьюдесятью рисунками. По результатам стилистических сопоставлений и материалам жертвенника памятник предварительно датирован II–I тыс. до н.э. и отнесен к периоду позднего неолита Якутии – ымыхтахской культуре Северо-Восточной Азии [1].

В ходе проведения в 2019 г. Приленской археологической экспедицией ГБУ АНИЦ АН РС(Я) спасательных археологических работ на памятниках Кюнкю I-II и Буяга I-III, расположенных в менее чем в километре выше по течению р. Амга, была обследована и писаница Кюнкю [2]. В процессе изучения установлено, что сохранились только две плоскости, выделенные Н. Н. Кочмаром (II-III), первая же либо утеряна или не обнаружена, хотя, был проведен тщательный визуальный и фотографический осмотр.

Характер сложения скальной гряды (преимущественно доломиты и мергели) позволяют предполагать, что рисунки первой плоскости могли быть разрушены в результате сдвигов и разрушения отдельных каменных блоков, что наблюдается достаточно отчетливо.

Анализ рисунков с их копиями, представленными в монографии Н. Н. Кочмара, позволил прийти к следующим заключениям. Из заявленных тринадцати рисунков II плоскости нами отмечено только семь. Так, например, рисунок 7, ранее был интерпретирован как антропоморфная фигура, сейчас его невозможно определить. Рисунок 8 отчетливо просматривается. Рисунки 9 и 15 почти исчезли, а сохранность рисунков 18 и 19, расположенных под ними, очень хорошая. Рисунки 16 и 17 – полимпсесты, рисунок 17 отсутствует, а от рисунка 16 осталась лишь голова. Рисунок 12, определенный как аморфное пятно, просматривается достаточно хорошо.

На III плоскости, из-за неудовлетворительной сохранности, рисунки невозможно определить. Рисунок 20 был определен нами, как антропоморфная фигура, но по монографии Н. Н. Кочмара, она описана как стилизованное изображение волка, стоящего на задних лапах. Чуть

левее этой фигуры, была изображена антропоморфная фигура, но в нынешнем состоянии, у него сохранилась лишь краниальная часть тела. Слева от нее находятся два слабо заметных аморфных пятна. Под фигурой волка и краниальной части антропоморфного изображения, находится хорошо сохранившееся профильное изображение лося. Он является единственным рисунком, который отчетливо просматривается. Слева от двух аморфных пятен и выше расположено контурное изображение зооморфного существа, а ниже находится антропоморфная фигура. В паре сантиметров ниже, изображено контурное, незаполненное пятно. Слева от зооморфной и антропоморфной фигуры располагается контурное стилизованное изображение, по всей видимости, лошади. Различные аморфные пятна, вертикальные линии и точки, о которых писал в своей монографии Н. Н. Кочмар, нами не были обнаружены.

Важным достижением 2019 г. стала находка каменного терочника для растирки охры в культурном слое (средний неолит), многослойной стоянки Кюнкю II. Проведенный трасологический анализ изделия в гг. Москва и Новосибирск позволяет считать его предметом, использовавшимся, в том числе, и при нанесении рисунков на скальную поверхность. Предстоящие физико-химические исследования состава охры на рисунках писаницы Кюнкю и её остатков с терочника из многослойной стоянки Кюнкю II, расположенных в километре друг от друга, позволит определить их разницу или сходство. При этом следов выхода охры пока не отмечено, однако высокая концентрация ожелезненности поверхностного почвенного слоя широко наблюдается.

Дискуссионным аспектом остается датировка наскальных рисунков и степень сохранности, а также вопросы их верификации (подлинности). Надеемся, что ближайшие работы в скором времени позволят осветить эту проблему более отчетливо.

1. Кирьянов Н.С. Научный отчет о выполненных спасательных работах по сохранению выявленных объектов Археологического наследия «стоянка Буюга (неолит, железо)», «стоянка Буюга III (неолит)», «стоянка Кюнкю I (палеолит)», «многослойная стоянка Кюнкю II» в Алданском районе Республики Саха Якутия». Якутск, 2019. Архив ГБУ АНИЦ АН РС (Я). Ф.1. Ед. хр. 19-01.

2. Кочмар Н. Н. Писаницы Якутии. Новосибирск: Изд-во: ИАЭТ СО РАН, 1994. 264 с.

Научный руководитель — ст. препод. К.А. Пестерева.

Погребальный инвентарь из погребений одиновской культуры памятника Тартас-1 (Барабинская лесостепь)

А. А. Некраш

Новосибирский государственный университет

Исследования на памятнике Тартас-1 (Венгеровский р-н Новосибирской обл.) проводятся с 2003 г. по настоящий момент. За более чем 15 лет проведения масштабных раскопок под руководством академика РАН В.И. Молодина изучено более 750 погребений, 37 из которых можно надежно отнести к одиновской культуре [1, с. 3-12].

Погребальный инвентарь обнаружен в 25 погребениях общим количеством 157 единиц. Все изделия можно разделить на несколько групп:

Керамические изделия (27 ед.). Обнаружены целые сосуды (7 ед.) и отдельные фрагменты (20 ед.). Фрагменты, чаще всего, обнаружены около левой плечевой кости погребенного, целые сосуды концентрируются в области ног.

Изделия из кости и рога (17 ед.). Представлены проколкой (7 ед.), острием (иглой) (1 ед.), игольником (3 ед.), роговой ложкой (1 ед.), пластиной (1 ед.), топором-мотыжкой (1 ед.). Функцию трех предметов определить затруднительно. Они встречаются в центральной части погребения, у бедренной кости погребенного с левой стороны, часто располагаются у левой кисти, левого крыла таза и левого локтя.

Изделия из камня (более 4 ед.). Обнаружены пластина (1 ед.), каменные конкреции (несколько ед.), кварцевая галька (1 ед.) и предмет неизвестного назначения из песчаника (1 ед.). Они, чаще всего, встречаются в центральной части могилы, около левого крыла таза, правой кисти, а также в нижней части около голеностопа с левой стороны.

Изделия из бронзы (2 ед.). В т.ч. шило. Обнаружены около правой кисти погребенного.

Оружие (59 ед.). К этой группе относятся костяные (47 ед.) и каменные (11 ед.) наконечники стрел и бронзовый кельт (1 ед.). Предметы обнаружены в нижней и центральной части погребальной ямы вдоль костей ног погребенных с левой или правой сторон.

Подвески и нашивки (более 25 ед.). Из резцов лося (5 ед.), из костей птицы (9 ед.) и из фаланг животных (более 11 ед.). Подвески располагались в районе головы погребенного, скопление зубов находилось на грудной клетке, а фаланги с отверстиями – около берцовых костей.

Украшения (22 ед.). Найдены бронзовые серьги (2 ед.) и бусина (1 ед.), раковины с отверстием (15 ед.) и створки (4 ед.) раковин. Могли находиться

в нижней части могилы вдоль ног и в центральной части около левой и правой руки.

К категории ритуальных предметов относится находка у правого крыла таза погребенного одного костяного фаллического символа.

Среди других находок отдельные необработанные кости животных, птиц, рыб, охра, уголь и фрагменты берестяного перекрытия со следами горения. Кости, чаще всего, встречаются в нижней части погребения, вдоль ног. Охра и уголь обнаружены в разных частях погребальной камеры.

Сопроводительный инвентарь в захоронениях одиновской культуры может быть расположен в любой части погребальной камеры. Чаще всего он располагался в центральной части захоронения в районе таза умершего, также отдельные изделия могут встречаться в нижней части могилы, вдоль костей ног. Предметы вооружения и украшения человека располагались в нижней части погребения, а подвески и нашивки, чаще всего, помещались в верхней части, ближе к голове. Изделия из бронзы и камня, чаще всего, локализируются в центральной части погребальной камеры.

Ближайшие аналогии проанализированный набор сопроводительного инвентаря находит в полностью изученном могильнике одиновской культуры Сопка-2/4А. Предметный набор на этих памятниках близок, но имеются и некоторые отличительные особенности. Так, на Тартасе-1 не обнаружено костяных «спиц» и гребней, которые составляют небольшую, но выраженную группу среди сопроводительного инвентаря на памятнике Сопка-2/4А. Отсутствуют костяные и каменные изображения животных и человека и навершая ритуальных жезлов, систематически обнаруживаемые на могильниках одиновской культуры, таких как Сопка-2/4А, Усть-Тартасские курганы, Преображенка-6. Особо выделяется находка бронзового кельта сейминско-турбинского типа разряда К-4 в погр. 487 по периодизации Черных Е. Н. и Кузьминых С. В. [2, с. 37-41], ближайшие аналогии которому известны в одиновском погребении памятника Преображенка-6. Эта находка является одним из самых ранних проявлений сейминско-турбинского феномена, что позволяет определить хронологию одиновского могильника на Тартасе-1 сер. III тыс. до н.э.

1. Молодин В. И. Современное состояние проблемы относительной и абсолютной хронологии Обь-Иртышской лесостепи в эпоху неолита и бронзы // Мультидисциплинарные исследования в археологии. Владивосток, 2019. №1.

2. Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989.

Научный руководитель — канд. ист. наук Д. В. Селин

Шаманские погребения одиновской культуры

С. С. Нестеров, И. А. Кравченко

Новосибирский государственный педагогический университет

Погребения являются одним из интереснейших и содержательным археологическим источником, с помощью которого можно реконструировать не только погребальный обряд, предметы духовной и материальной культуры, но и социальную структуру древнего общества. В большинстве работы по реконструкции социальной структуры общества обращены на «классовое» расслоение общества, «духовной» иерархии отведена незначительная роль.

Попытки выделения жреческо-шаманских социальных групп начали предприниматься с середины XX в., в то же время начал складываться и терминологический аппарат, который до сих пор вызывает споры у исследователей, занимающихся данным вопросом.

Так в своей работе Ю.Б. Сериков утверждал: «Шаманы термин безусловно неудачный, зато понятный и понимаются под ними служители культа» [1]. Однако, исследователь Н. Н. Гурина предлагает другую интерпретацию – «хранители веры» [2]. Далее для удобства восприятия предполагаю использовать термин «шаманы».

Также Н. Н. Гурина предложила критерии, по которым предположительно можно определить, что данное погребение принадлежало шаману [2]:

- иррациональный сопроводительный инвентарь;
- наличие изделия сакрального толка;
- необычно украшенная одежда;
- необычное устройство и расположение могилы;
- несоответствие половозрастных показателей и сопроводительного инвентаря;
- нестандартное расположение покойного.

На основании вышеперечисленных критериев, на территории Западной Сибири эпохи раннего металла наиболее ранними «шаманскими захоронениями» можно считать ряд погребений одиновской культуры.

Так на археологическом памятнике Сопка-2, в погребении №268 в ногах у покойной, а ей оказалась девушка в возрасте 15–16 лет, было обнаружено навершие в виде достаточно детализированной головы птицы, выполненное из рога лося [3]. Изначально голова была интерпретирована как образ ворона, однако после обращения к орнитологам удалось

выяснить, что это образ головы фламинго, которые в эпоху бронзы совершали миграционные перелеты через территорию Барабинской лесостепи.

Второе подобное навершие из рога, было найдено в погребении №37 на могильнике Преображенка-6 [3]. Оно находилось в центральной части погребения. Данное изделие было несколько большего размера, чем на памятнике Сопка-2, однако выполнено не менее искусно и детализировано. Артефакт был умышленно сломан, вероятно, при ограблении, либо осквернении могилы. Несмотря на некоторую схожесть, ученые не могут точно утверждать, что второе навершие также является образом головы фламинго.

На памятнике Усть-Тартас 2 на дне могилы № 38 был обнаружен мужской скелет, возле которого находилось изделие, выполненное из останков птиц [4]. Предположительно изделия являлось частью головного убора или нагрудником. В восточной части захоронения была найдена подвеска из мрамора низкого качества, возможно луновидная. Ниже пояса лежали 4 створки раковин с отверстиями.

Исходя из всего вышеперечисленного, можно сделать вывод, что у представителей одиновской культуры была значительная социальная стратификация общества, которая подразумевала выделение шаманов в отдельную социальную группу, что подтверждается богатым сопроводительным инвентарем в погребениях, кардинально отличающихся от других захоронений.

1. Сериков Ю. Б. Шаманские погребения Зауралья // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1998. С. 29–47.

2. Гурина Н. Н. Оленеостровский могильник // МИА. Вып. 47. 1956. С. 336–340.

3. Молодин В. И., Чемякина М. А. Орнитоморфные навершия одиновской культуры (Западносибирская лесостепь) // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2010. № 1 (26). С. 5–14.

4. Молодин В. И., Кобелева Л. С., Райнхольд С., Ненахова Ю. Н., Ефремова Н. С., Дураков И. А., Мыльникова Л. Н., Нестерова М. С. Стратиграфия погребальных комплексов ранней – развитой бронзы на памятнике Усть-Тартас-2 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2018. Т. XXIV. С. 293–298.

Научный руководитель — канд. истор. наук, доцент И. А. Дураков

Вариативность погребальной практики населения андроновской культуры северо-западных предгорий Алтая

И.А. Савко

Алтайский государственный педагогический университет

Андроновские (федоровские) памятники северо-западных предгорий Алтая локализуется на стыке различных географических ареалов – степной и лесостепной зоны Сибири и Казахстана, горной и предгорной части Алтая, что обуславливает разнообразие погребальной практики, выражающейся в различных вариантах планировки, видах надмогильных сооружений и особенностях ритуала.

Цель исследования – выявление особенностей погребальной практики некрополей андроновских погребений северо-западных предгорий Алтая. Из 47 признаков, определяющих характеристики сооружений и особенностей погребального обряда было отобрано 13 наиболее информативных. Исходя из сокращения большей части признаков, количество погребений также уменьшилось с 142 до 44. Стоит отметить, что эти 44 могилы представлены только взрослыми погребениями. Главным методом исследования было многомерное шкалирование попарно полученных для каждого объекта коэффициентов общего сходства, которое стало основой для обоснования пяти различных групп погребений.

Группа 1. Захоронения с надмогильной каменной конструкцией, нередко с каменным перекрытием или ящиком, выполненные по обряду ингумации, головой на запад, в половине случаев в скорченном положении на левом боку или не в анатомическом порядке, редко с жертвоприношениями животных (ЧЛ-2, м. № 39, Корболиха-1, м. №1, 3, 4; Сигнал-1, м. №1, 3–7; Чесноковка-1 м. №1).

Группа 2. Погребения, имеющие смещенный курганный или грунтовый вид надмогильной конструкции, с каменным ящиком или без него, а также западного или юго-западного направления ингумированного костяка на левом боку в скорченном положении или не в анатомическом порядке (Сигнал-1, м. №2, 7; Корболиха-1, м. №1, 3; ЧЛ-10, м. № 50; Самарка-IV, м. № 2).

Группа 3. Грунтовые захоронения без надмогильных конструкций, с деревянной рамой или без каких-либо внутримогильных конструкций, юго-западной ориентации, выполненные по обряду ингумации, скорченно на левом боку, не редко с углем в заполнении могильной ямы (ЧЛ-2, м. № 41; ЧЛ-10, м. №2.1, 2.2, 4, 22, 28, 36, 37, 42, 48, 53–56).

Группа 4. Грунтовые захоронения без надмогильных конструкций, с деревянной рамой, юго-западной ориентации, выполненные по обряду кремации, с углем в заполнении могильной ямы (ЧЛ-10, м. № 1, 10, 74).

Группа 5. Грунтовые захоронения без надмогильных и втурирогоильных конструкций, западной ориентации, выполненные по обряду ингумации в скорченном положении на левом боку или не в анатомическом порядке, не редко с углем в заполнении могильной ямы (ЧЛ-10, м № 7, 66, 75; ЧЛ-2, м № 2, 14, 28, 30, 40; Ново-Александровка, м №2).

Для андроновских захоронений предгорий Алтая характерны разные виды погребальной практики. На большинстве памятников раскопаны могилы разных этнокультурных традиций. Каменные конструкции в виде насыпи или ящиков (перекрытия), западная ориентация (группа 1 и 2) свидетельствуют о влиянии восточно-казахстанской традиций, где данные признаки являются преобладающими [1]. Близость с комплексами Верхнего Иртыша ранее было подтверждено проведённым кластерным анализом керамики [2]. Грунтовые могильники и погребения в грунтовых ямах, деревянные конструкции, с юго-западной ориентацией характерны для верхнеобского варианта андроновской культуры (группа 3) [3].

Таким образом, выделенные группы свидетельствуют об отсутствии в северо-западных предгорьях Алтая господствующей этнокультурной традиции погребальной практики населения фёдоровской культуры. Вариативный состав которых (группа 5), может свидетельствовать о смещении восточно-казахстанского и верхнеобского варианта культуры, либо о процессах адаптации мигрирующего верхииртышского населения под реалии местной географической среды. Наличие в предгорьях менее доступных выходов камня для сооружения погребальных конструкций, вынуждает население инновационизировать свою традицию в сторону «без каменных» некрополей.

1. Кузмина Е. Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе: ПринтА, 2008. 358 с.

2. Савко И. А. Кластерный анализ декора сосудов фёдоровской культуры Верхнего Алея // Вопросы истории, археологии, политических наук и регионоведения. Томск: Изд-во ТГУ, 2019. Вып. 15. С. 170–176.

3. Кирюшин Ю. Ф., Папин Д. В., Федорук О. А. Андроновская культура на Алтае (по материалам погребальных комплексов. Барнаул: Изд-во АГУ, 2015. 108 с.

Научный руководитель — д-р ист. наук, проф. М. А. Демин

Краниометрические комплексы мужских серий одиновской культуры в Барабинской лесостепи

В. С. Степанова

Новосибирский государственный университет

Одиновская культура выделена академиком РАН В. И. Молодиным. На сегодняшний день опубликованы краниометрические данные и результаты их анализа для черепов из одиновских погребений Сопки-2/4А [1, с. 96–106], Тартаса-1 и Преображенки-6 [2, с. 128–139]. В данной работе представлены результаты обследования мужских черепов одиновцев, полученных на памятнике Усть–Тартасские курганы. Целью работы является их антропологическая характеристика на фоне краниологических серий одиновской культуры с территории Барабинской лесостепи.

Коллекция представлена 44 индивидами. Полную сохранность имеют 5 черепов, из которых 4 – мужские, которые демонстрируют разнообразие по основным показателям и своеобразию среди других серий этой культуры. Черепа контрастны по поперечно-продольному указателю (от гипербрахикрании до долихокрании), углу вертикального профиля лба (прямые и наклонные), высоте лица (от очень низких до очень высоких форм), углам горизонтального профиля лица (гомоплатипрозопные, гомоклинопрозопные, гетеропрозопные), высоте переносья (низкое и высокое). Черепа однородны по высоте свода (средневысокие), ширине лица (среднеширокие), его вертикальному профилю (мезо-ортогнатные), размеру и форме орбит (крупные и мезо-гипсиконхные), ширине носа (мезо-лепторинные), малому углу выступания носовых костей.

В группе встречаются черепа с консолидированным комплексом признаков. Так, череп из погребения 18 имеет уникальное сочетание морфологических признаков – гипербрахикранию, низкое, среднеширокое и очень плоское (гомоплатипрозопное) лицо, очень низкое переносье и очень малый угол выступания носа. За исключением высоты лица, этот комплекс признаков является базовым для антропологических вариантов монголоидной расы. Исследователи высказывали идею о существовании в этом регионе в древности своеобразного монголоидного антропологического типа с низким лицом. Этому компоненту отводилась роль в понижении высоты лица в монголоидных комплексах на территории Северной Евразии. Однако, краниологические серии с подобными сочетаниями характеристик ранее не встречались.

По антропологическим признакам эта выборка (за исключением индивида из погребения 18) может быть отнесена к крупному

таксономическому подразделению – северной евразийской антропологической формации, которая существовала на территориях Барабинской лесостепи в практически неизменном виде с раннего неолита (VII–VI тыс. до н. э.) до прихода носителей андроновской культуры (II тыс. до н.э.).

Нами предпринята попытка выявить направление антропологической дифференциации (если она существует) между популяциями барабинских одиноцев и определить положение среди них индивидов из погребений Усть-Тартасса. Количество индивидов в анализируемой совокупности (18 из 41) и набор признаков обусловлены сохранностью материала. Мы использовали индивидуальные данные по 10 признакам. В комплекс вошли диаметры мозговой коробки (высотный диаметр и наименьшая ширина лба) и лицевого отдела (верхняя высота, скуловой диаметр), указатели (черепной, затылочно-теменной, сематический, дакриальный) и угловые размеры (назюмалярный, зигомаксиллярный, угол профиля лба, общий угол профиля лица). Использован метод главных компонент. Обработка данных проводилась в программе STATISTICA.

Первые два фактора, полученные для данной совокупности описывают 53% изменчивости. Первый фактор (29,18% изменчивости) выделяет индивидов с наиболее низким черепным сводом, узким лбом, узким, низким, уплощенным на верхнем уровне и мезогнатным лицом. Этот комплекс является наименее консолидированным в контексте имеющихся вариантов антропологической типологии. Второй фактор (23,82% изменчивости) выделяет индивидов с брахикранной формой черепной коробки, гомоплатипрозопным лицом и прямым лбом. Это консолидированный комплекс, характерный для монголоидных антропологических типов. Индивиды из усть-тартасских погребений не обособились от остальных представителей одиноцкой популяций в пространстве двух факторов. Таким образом, исследованный материал позволил выявить в антропологическом составе носителей одиноцкой культуры Барабинской лесостепи присутствие монголоидного компонента. Он своеобразен, отличается брахикранией, низким и узким лицом.

1. Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юго-западной Сибири в эпохи неолита – раннего железа. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. 468 с.

2. Чикишева Т. А., Поздняков Д. В. Антропологические аспекты одиноцкой культуры (Западная Сибирь) // Археология, этнография и антропология Евразии, 2019. Т.47. №4. С. 128–139.

Научный руководитель — д-р ист. наук Т. А. Чикишева

Северная периферия майкопской культуры

И. Е. Тюгашев

Санкт-Петербургский государственный университет

В последние десятилетия изучение майкопской культуры достигло такого этапа развития, что появилась возможность рассматривать в обобщенных группах погребальные памятники, обнаруженные за пределами Северного Кавказа. Концепция центра-периферии в рамках майкопской культуры уже находила применение в работах некоторых исследователей [1; 2].

Окраинные памятники майкопской культуры представлены курганными захоронениями в нескольких районах за пределами основного ареала: в Северном Причерноморье, междуречье Буга и Нижнего Днепра, на Нижнем Дону, в северо-восточной части Ставропольской возвышенности, в Южных Ергенях, Кумо-Маньчской впадине, Прикаспийской низменности и в Волго-Донском междуречье. Их количество варьируется, что может быть связано с уровнем изученности территории. Часть археологов они описаны в виде комплексов, сконцентрированных в нескольких районах.

Памятники, расположенные в Северном Причерноморье, рассмотрены В. А. Трифоновым [3]. Они представляются как майкопские, возникшие на костромском этапе развития. По мнению данного исследователя, их отличия от классического облика являются результатом адаптации к новой культурной среде [3, с. 280]. В. А. Трифонов делает предположение о том, что южная граница настоящего степного варианта майкопской культуры начинается только за Нижним Доном, где сохранение самобытности было тесно связано с компромиссами вынужденного взаимного сосуществования различных культурных групп [3, с. 283].

Ещё одна группа памятников рассмотрена Н. И. Шишлиной [4]. Данная группа представлена скоплением курганов в Кумо-Маньчской впадине, северо-восточной части Ставропольской возвышенности и Южных Ергенях, а также четырьмя могильниками в Прикаспийской низменности (Джангар I, Цаца, Эвдык, КВЧ-56), находящимися в значительном отдалении от вышеупомянутого скопления. Захоронения ясно демонстрируют элементы не характерные для майкопского погребального обряда: катакомбы, ямы с заплечиками, положение костяка сидя или на спине [4, с. 49, 57].

Третья группа описана В. И. Мамонтовым и Н. Б. Скворцовым [5]. Расположена она в Волгоградской области и Волго-Донском междуречье. Вполне вероятно, что определение части представленных погребений как майкопских требует дополнительного обоснования. Лишь в могильнике Приморский II были найдены сосуды, имеющие отчетливые параллели в майкопской керамике [5, с. 4–5]. Тем не менее на эту группу и регион стоит обратить более пристальное внимание, поскольку они расположены сравнительно недалеко от майкопских погребений Северо-Западного Прикаспия, описанных Н. И. Шишлиной. Например, расстояние от могильника Цаца до Антонова I составляет менее 90 км.

Сравнительное исследование погребальных памятников междуречья Буга и Нижнего Днепра, Северного Причерноморья, Волго-Донского междуречья и Северо-Западного Прикаспия в едином комплексе, возможно, даст больше сведений об освоении степей майкопскими скотоводами к северу от ядра их культуры.

1. Корневский С. Н. Северная, кумо-маньчская периферия майкопско-новосвободненской общности // IV Кубанская археологическая конференция: Тезисы и доклады. Краснодар, 2005. С. 136–140.

2. Яценко В. С. Группа погребений северной, кумо-маньчской периферии майкопско-новосвободненской общности койсугского курганного могильника // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2012. № 3. С. 43–57.

3. Трифонов В. А. Западные пределы распространения майкопской культуры // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 16. 2014. №3. С. 276–284.

4. Шишлина Н. И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тысячелетия до н. э.) // Труды Государственного исторического музея. Вып. 165. М., 2007. 400 с.

5. Мамонтов В. И., Скворцов Н. Б. Памятники майкопской культуры в Волгоградской области [Электронный ресурс] // Грани познания: Электронный научно-образовательный журнал Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. № 1 (11). URL: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1301313116.pdf> (Дата обращения: 17.06.19.).

Научный руководитель — канд. ист. наук Е. А. Черленок

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

УДК 903.222/531.58

Роговые свистунки на наконечниках стрел в древнетюркских погребальных памятниках Южной Сибири: проблемы функционального использования

В. О. Антипина

Новосибирский государственный университет

Термин «свистунка» широко применяется в отечественной научной литературе по отношению к одной из конструктивных частей стрел. Свистунки представляют собой полые роговые изделия эллипсоидной формы с прорезными отверстиями круглой или продолговатой формы. Согласно общепринятым представлениям свистунки при полете стрел издавали протяжный свист. Археологические источники позволяют отнести распространение наконечников стрел со свистунками ко времени появления на исторической арене племен хунну [1, табл. IV].

Первое упоминание о применении стрел со свистунками хуннами с точным указанием даты – 209 г. до н. э. содержится в китайских письменных источниках. Изобретение предписывается Модэ, боровшемуся за власть. Обучая своих людей смирению, он с их помощью убил стрелами со свистунками своего коня, жену, а затем и шаньюя Туманя [2, С. 76-77].

По этнографическим данным свистящий снаряд пускали при охоте на крупных копытных животных в расчете отвлечь их внимание от охотника [3, С. 134]. Среди изображений на граффити Калбак-Таш II, относящихся к сцене охоты, особый интерес вызывает наличие ярусного наконечника стрелы со свистункой, датированного предтюркским временем [4].

Наряду с этим в литературе можно встретить и другие предположения о функциональном использовании стрел со свистунками – они могли играть роль муфты, предотвращающей раскалывание торцевой части стрелы. В военном деле «свистящие стрелы» выполняли сигнальную роль при тактических перестроениях и при массовой стрельбе по площадям, оказывать психологическое воздействие на кавалерию противника [5, С. 42-43, 150].

В. Г. Кищенко считает, что в момент попадания стрелы в цель свистунки от удара деформировались и лопались, а также расширяли раневую канал и приводили к ускоренной кровопотере [6, С. 7–8]. Однако, специальные исследования, включая эксперименты по раневые баллистики с использованием стрел с роговыми свистунками не проводились. Во многом этому препятствует отсутствие качественно изготовленных реплик роговых свистунок. Их наличие позволило бы продвинуться в изучении военного дела и хозяйственных особенностей скотоводческого населения Южной Сибири, как эпохи гунно-сарматского времени, так и средневековья.

В 44 древнетюркских погребальных памятниках Южной Сибири было обнаружено 484 наконечника стрел. Из них 383 экземпляра относятся к различным типам трехлопастных наконечников, с которыми было обнаружено 108 роговых свистунок (целых и фрагментированных).

Наряду с трехлопастными в состав древнетюркского набора стрел входили наконечники трехгранно-трехлопастных, трехгранных, четырехгранных типов. Однако, с наконечниками данных типов, которые могут считаться броневой, свистунки не обнаружены. На наш взгляд они в основном применялись в первую очередь в военном деле. В то время как трехлопастные могли использоваться преимущественно при охоте на крупных копытных животных.

Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности Лаборатории гуманитарных исследований НГУ.

1. Руденко С. И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы // М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 206 с.

2. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена // Т. I. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 382 с.

3. Кушкumbaев А. К. Институт облавных охот и военное дело кочевников Центральной Азии // Сравнительно-историческое исследование. Кокшетау: Келешек-2030, 2009. 170 с.

4. Кубарев Г. В. Граффити местонахождения петроглифов Калбак-Таш II // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. Т. XX. С. 198–201.

5. Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 269 с.

6. Кищенко В. Г. Стрелы древних и средневековых культур Евразии: реконструкция // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3. Донецк: ДонНУ, 2003. С. 131–191.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доцент О. А. Митько

Предметы торовтики из могильника енисейских кыргызов Мутная I: технологический аспект

Р. В. Давыдов

Новосибирский государственный университет

Предметы торовтики малых форм являются массовым инвентарем, наиболее часто встречающимся в археологических материалах средневековых кочевников. Они могут служить важным источником, свидетельствующим, помимо прочего, об устоявшихся техниках и приемах металлообработки. В культуре енисейских кыргызов XI-XIV вв. н.э. данная категория инвентаря представлена железными изделиями с инкрустацией. Становление технологии их производства слабо изучено.

Целью работы является реконструкция технологии изготовления предметов торовтики из могильника Мутная I с применением сравнительно-морфологического и трасологического анализов.

Памятник расположен в долине р. Ус (юг Красноярского края). Изделия (всего 25 экз.) найдены в трёх погребениях, совершенных по обряду кремации, вместе с наконечниками стрел, панцирными пластинами и бытовыми предметами [1]. Они представлены следующими категориями: кург. 5 (3 экз.) – накладки с кольцом, пряжки рамчатые, ременные обоймы; кург. 6 (20 экз.) – накладки шарнирные, цельные, с кольцом, колчаные крюки, бляхи двурогие, пряжки рамчатые и щитковые; кург. 9 (2 экз.) – накладки с кольцом, наконечники ремней шарнирные.

Предметы делятся на инкрустированные (8 экз.), орнаментированные (8 экз.) и гладкие (9 экз.). Декоративные элементы представлены растительным орнаментом, зубчиками и объемными линиями.

В результате серии экспериментов, проведенных на базе НОЦ «Новая археология» ГИ НГУ, установлено, что изделия изготовлены по одной технологической схеме, при которой формообразующей операцией являласьковка:

А. Первоначально из листа посредством рубки или в ходековки дрота создавалась заготовка.

Б. Производилось придание заготовке необходимой формы (ковка, сборка шарнирных изделий, пробитие отверстий для заклепок, абразивная обработка кромок и лицевой стороны).

В. Затем на предметы, если требовалось, наносился орнамент – резьбой (зубилами и резцами), пилением (напильниками), рубкой (зубилом).

Г. Финальной операцией для ряда изделий являлась инкрустация серебряной фольгой.

Крепление к поясу производилось посредством клепки, в отдельных случаях использовались подложки, вырезанные из тонкого листа.

Данная схема является обобщающей. Этапы А–Б зафиксированы при создании колчанных крюков, пряжек щитковых, накладок цельных, накладок с кольцом (3 экз.); А – В – двурогой бляхи, ременных обойм, рамчатых пряжек, ременных наконечников (2 экз.); А – Г – накладок шарнирных, накладок с кольцом (2 экз.), ременных наконечников (1 экз.).

Качество исполнения предметов неодинаково. Особенно выделяется серия изделий из кург. 6, отнесенных к одному комплекту [2]. Тщательность обработки свидетельствует о высоком профессионализме мастера. Однотипные шарнирные накладки из данного набора слабо отличаются размерами (6–7%), что указывает на использование шаблона (эксперимент с шаблоном показал различие размеров в 4,5–6%, в то время как кованные изделия без шаблона имеют отличие 13–21%, а чеканные – 4–15% в зависимости от квалификации ремесленника).

На основе сравнительно-морфологического анализа предметов вооружения и элементов узды мог. Мутная I отнесен к монгольскому времени (XIII в. н.э.) [1]. При этом прослеживается прямая связь изделий с материалами близлежащих могильников Эйдиктыр-кыр и Шигрей.

Среди инвентаря мог. Эйдиктыр-кыр встречены бронзовые предметы, к которым восходят формы шарнирных накладок и отдельных щитковых пряжек из мог. Мутная I. Кроме того, железные изделия из кург. 42 мог. Эйдиктыр-кыр морфологически идентичны некоторым вещам из кург. 6 мог. Мутная I (шарнирные накладки, щитковые пряжки, ременные обоймы), однако демонстрируют низкое владение применяемыми техниками. При этом, торевтика кург. 1 мог. Шигрей характеризуется большим распространением инкрустации и приданием кованым изделиям объема (последнее встречается среди изделий из кург. 6 в грубой форме).

Таким образом, предметы из мог. Мутная I демонстрируют один из завершающих этапов развития технологии изготовления железных торевтики, когда ремесленники в достаточной степени овладели необходимыми техниками. Однако финальный облик технологии отразился в материалах кург. 1 мог. Шигрей.

1. Митько О. А. Памятники енисейских кыргызов в долине реки Ус // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края. Т. II. Красноярск: Изд-во КГУ, 1992. С. 52–54.

2. Митько О. А. «Серебряный пояс» в культуре усинских кыргызов // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. Барнаул: Азбука, 2010. С. 75–79.

Археологическое открытие Перу: Макс Фридрих Уле и его роль в становлении перуанской археологии

И. Д. Долгушин

Новосибирский Государственный университет

Территория нынешнего Перу с давних времён привлекала исследователей своими многочисленными древностями, относящимися как к эпохе инкской империи, так и к более ранним временам. Однако полноценное археологическое исследование этой страны началось лишь в конце XIX – начале XX вв. Важнейшую роль в становлении перуанской национальной археологической школы сыграл выдающийся немецкий археолог Макс Фридрих Уле (1856–1944).

Роль Макса Уле в становлении и развитии южноамериканской археологии сложно переоценить. На протяжении лет он почти непрерывно работал в разных странах Южной Америки – Аргентине, Боливии, Перу, Чили, Эквадоре, проводил раскопки, организовывал музеи и научные школы [1].

Работы в Перу занимают особое место в научной биографии М. Уле. Именно здесь им на материале исследований памятника Пачакамак была впервые предложена последовательность археологических культур для центральноандского региона. Уле был первым исследователем, уделявшим значительное внимание не только поздним культурам времён расцвета инкской державы, но и доинским; в том числе им были исследованы памятники, относящиеся к формативному периоду, которые Уле, несмотря на ошибочную датировку, правильно соотнёс с примитивным народом рыбаков и собирателей [2]. Однако не в меньшей степени, чем научные открытия, следует отметить организаторские заслуги М. Уле. Именно благодаря ему в Перу (как позднее в соседнем государстве – Эквадоре [2]) сформировалась самобытная археологическая научная школа.

Уле внёс большой вклад в организацию в Лиме первого перуанского археологического музея. Сам музей был создан 6 мая 1905 года, в соответствии с указом президента Перу Хосе Пардо-и-Барреды, с тем чтобы коллекции Института истории Перу стали доступны широкой публике [3]. Музей был разделён на два отделения: колониального и республиканского периода, которое возглавил Х. Аугусто де Иску, и археологии коренных племён, заведовать которым был назначен М. Уле. Он поставил своей целью по возможности полно представить в музее культуры разных исторических эпох и местностей Перу. Для пополнения

музейных фондов им был организован ряд экспедиций в разные регионы страны. Кроме того, М. Уле читал в музее лекции по перуанской этнографии и археологии, способствуя формированию и просвещению местного научного сообщества, готовя себе смену.

Работа на посту заведующего была непростой; Уле занимал это место до 1911 г., когда из-за урезания бюджета и интриг недоброжелателей был вынужден его оставить [3].

В ходе своей работы М. Уле внёс значительный вклад как в перуанскую археологию, так и в этнографию и фольклористику – в ходе экспедиций им был записан ряд кечуанских народных сказок и стихотворений. Уже после смерти М. Уле они были опубликованы в сборнике «О Кондоре и Лисе – сказки пастухов перуанских гор» [4], вызвавшем интерес индианистов [5].

Как и позднее в Эквадоре, М. Уле создал в Перу базу для дальнейших исследователей, стал основателем целой научной школы. За свои труды последователями он был заслуженно назван “отцом перуанской археологии” [6].

1. Табарев А. В. Введение в археологию Южной Америки: Анды и Тихоокеанское побережье. Новосибирск: Изд-во «Сибирская научная книга», 2006. 244 с

2. Долгушин И. Д., Табарев А. В. К 100-летию начала исследований М. Уле в Эквадоре // Первобытная археология: Журнал междисциплинарных исследований. 2019. № 2. С. 98–109.

3. Martinez T. H. Max Uhle y los origenes del Museo de Historia Nacional (Lima, 1906–1911) // Indiana. Vol. 15. Berlin: Ibero-Amerikanisches Institut, 1998. P. 139–165.

4. Uhle M., Kelm A. Vom Kondor und vom Fuchs: Hirtenmärchen aus den Bergen Perus mit Schalplatte//Stimmen Indianischer Volker. Vol. I, Berlin: Gebr. Mann, 1968. 120 l.

5. Hartmann R. «Del condor y del zorro»: Max Uhle como recopilador de tradiciones orales andinas en quechua // Indiana Vol. 15. Berlin: Ibero-Amerikanisches Institut, 1998. P. 167–176.

6. Rowe J. H. Max Uhle, 1856-1944: a Memoir of the Father of Peruvian Archaeology. Los Angeles: University of California Press, 1954. 139 p.

Научный руководитель — д-р. ист. наук А. В. Табарев

Н. П. Крадин как ведущий специалист в области истории русской фортификации Сибири

В. В. Зеленина

Новосибирский государственный университет

Изучение русского оборонного зодчества Сибири по письменным источникам началось около середины XX в. трудами Е. А. Ащепкова [1], С. Н. Баландина [2], Н. Л. Крашенинниковой [3], Т. С. Проскуряковой [4] и др. Но наиболее масштабными по степени территориального охвата остаются исследования Н. П. Крадина [5]. В его главном труде – монографии 1988 г. «Русское деревянное оборонное зодчество», наиболее полно учтены научные достижения предшественников, использованы материалы письменных, изобразительных источников, результаты изучения остатков сохранившихся построек.

Монография состоит из пяти глав. Первая посвящена общим вопросам конструкции и устройства русских крепостей. Во второй характеризуются укрепления на Северо-Западе Руси, в третьей – крепости по южным границам. В четвертой главе приводятся обширные сведения по истории русского оборонного зодчества в Сибири. Пятая глава представляет обзор построек различного назначения и типов русского, и коренного населения региона. Показано, что, продвигаясь в Сибирь, русские для защиты присоединяемых земель на основных водных путях ставили остроги (городки), острожки, зимовья и др. В правительстве составлялись «наказы и памяти», где расписывались «все этапы строительства, начиная от выбора места, заготовки леса» и до возведения всех запланированных строений и сооружений [5, с. 44–47]. Велся подсчет и учет материала: бревен, плах, гвоздей. Например, Якутск «для строительства нового города, согласно подсчетам, потребовалось 13100 бревен, 6260 плах, ..., 26723 гвоздя да еще 11841 бревно для острожных стен». Такие документы свидетельствуют о скрупулезности планирования и достаточно строгом учете материала. Одновременно они показывают перечень элементов крепости, опровергая мнение, что русские деревянные постройки возводились «без единого гвоздя» [5, с. 50]. По мнению Н. П. Крадина, классификация крепостей отражала эволюцию от простого к сложному: от зимовья и острога – к городу.

Но в XVIII в., когда сибирские крепости перемещались к южным границам, Н. П. Крадин отметил, что «внедряются типовые проекты крепостей для целых линий и участков границы» [5, с. 45]. Поэтому схема «зимовье – острог» уже не фиксировалась. Преобразования Петровской

эпохи существенно повлияли на оборонное зодчество: «изменяется не только планировка крепостей, но и их составные элементы», башни, деревянные стены становятся менее актуальными, «широкое распространение получают земляные, валы, бастионы, невысокие стены в виде заплотов...» [5, с. 45–48]. Планировка стала часто симметричной. Новшества, в основном, связаны с совершенствованием огнестрельного оружия и соответствующим изменением методов обороны. Поэтому некоторые крепости в Сибири, начиная с Омской (1716 г.), строились «на голландский манер» или «по методу фортификационного искусства французского инженера Вобана» [5, с. 45].

Н. П. Крадин вошел в состав коллектива авторов, издавших фундаментальный труд «Градостроительство Сибири», в котором отражены результаты исследования данной тематики с древнейших времен до нашего времени [6]. Это дополнительно свидетельствует о том, что он являлся одним из ключевых исследователей в области истории русской фортификации Сибири.

1. Ащепков Е. А. Русское народное зодчество в Восточной Сибири. М.: Гос. изд-во лит. по строительству и архитектуре, 1953. 205 с.

2. Баландин С. Н. Оборонная архитектура Сибири в XVII в. // Города Сибири: экономика, управление и культура городов Сибири досоветского периода. Новосибирск: Наука, 1974. С. 7–37.

3. Крашенинникова Н. Л. Строительство русских крепостей XVIII в. по «образцовым» проектам // Архитектурное наследство: проблемы градостроительства IV–XIX вв. М., 1976. № 25. С. 72–78.

4. Проскуракова Т. С. Планировочные композиции городов-крепостей Сибири (вторая половина XVII – 60-е гг. XVIII) // Архитектурное наследство. М., 1976. № 25. С. 55–71.

5. Крадин Н. П. Русское деревянное оборонное зодчество. М.: Искусство, 1988. 142 с.

6. Градостроительство Сибири / [В. Т. Горбачёв, Н. Н. Крадин, Н. П. Крадин, В. И. Крушлинский, Т. М. Степанская; под общ. ред. В. И. Царёва]; Рос. Акад. архит. и строит. наук, НИИ теории и истории архит. и градостроит. СПб.: Коло, 2011. 784 с.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доцент С.Г. Скобелев

Качинцы и аринцы в Красноярском лесостепном районе: история изучения

Е. В. Зеленина

Новосибирский государственный университет

В начале XVII – 20-е гг. XVIII в. тюркоязычные качинцы и кетоязычные аринцы проживали лишь в Красноярском лесостепном районе [1]. Позднее большая их группа переселилась в степи Минусинской котловины, став затем крупной составной частью современных хакасов. По сравнению с рядом соседних этносов, история качинцев и аринцев Красноярской лесостепи не привлекала большого внимания в научном мире. Тем не менее, их изучение в этнографическом контексте началось уже с первых десятилетий XVIII в., а в археологическом – в 60-е гг. XX в.

С начала научного изучения региона большую роль в этом процессе сыграли немецкие ученые, в том числе специально приглашенные в Россию для проведения научных экспедиций. Так в 1733–1743 гг. Г. Ф. Миллер, будучи историком, изучал вопрос о происхождении наименований качинцев и аринцев. По свидетельству Миллера, качинцы получили свое название от русских в XVIII в., исходя из термина «каш»; скорее всего, они представляли собой родовую или племенную группу [2, с. 73]. Этноним аринцы происходит от «татарского» слова «ага», означающего шершень [3, с. 54]. Интересно, что Миллер успел застать в живых старика арина, еще помнившего свой родной язык, благодаря чему удалось сделать его записи [2, с. 65]. И. Г. Гмелин, спутник Миллера в этой экспедиции, собрал ценный этнографический материал, описав в 1739 г. качинских шаманов, живших на р. Июсе и в Красноярске [3, с. 16]. Студент С. П. Крашенинников (будущий академик), участник той же Камчатской экспедиции, описал погребальный обряд качинцев, выявив применение ими двух способов погребений – труположения и трупобожения [4, с. 61]. Он также исследовал семейно-брачные отношения у качинцев [5, с. 21]. В последней четверти XVIII в. Е. Пестерев и П. С. Паллас писали о культуре и быте качинцев и аринцев, в том числе проживавших уже на территории современной Хакасии. Пестерев отметил их главные занятия: кочевое скотоводство и охоту [2, с. 118]. Один из участников экспедиции Палласа – И. Г. Георги, составил этнографические описания качинцев и аринцев, отметив, что аринцы жили во всем одинаково с качинцами, но были беднее их. Писал он также о моде качинских женщин [5, с. 19]. Позднее, уже в XX в. специалист по этнографии хакасов Ю. А. Шибаева занималась изучением

традиционной одежды качинцев. В середине XX в. Л. П. Потапов детально исследовал историю формирования хакасского народа, включив в свои работы описания культуры качинцев и аринцев [2].

Археологическое изучение этих групп населения реально началось в 1963 г., когда И. Б. Николаева опубликовала статью на материалах, полученных в результате случайных раскопок в 1957 г. военнослужащим В. П. Киселевым одиночного погребения, предположительно, принадлежавшего аринцу, у пос. Иннокентьевский (северная окраина г. Красноярск). Целенаправленные раскопки погребений качинцев и аринцев в Красноярской лесостепи проводились С. Г. Скобелевым уже в 1980-х гг. В результате были открыты и изучены могильники и одиночные погребения качинцев и аринцев – Монашка, Высокое, Бадалык, Шишка, Березка и Солонцы. Это дало интересный и обширный материал, серьезно дополняющий сведения письменных источников. Затем работами С. М. Фокина были детально изучены этнокультурные процессы, протекавшие на данной территории в развитом и позднем (дорусском) Средневековье. Вместе с результатами работ С. Г. Скобелева это позволяет в настоящее время составить цельную картину этнокультурного развития населения региона на протяжении нескольких столетий.

Таким образом, уже в XVIII в., с началом работ академических экспедиций, в научный оборот были введены сведения этнографического характера о качинцах и аринцах, которые позже были подкреплены археологическим материалом. Создана довольно четкая картина состояния культуры качинцев и аринцев, которая может быть полезной в дальнейшем изучении истории хакасского этноса.

Исследование проведено в рамках Госзадания Минобрнауки РФ.

1. Барахович П. Н. Службы красоярских «татар» в XVII столетии // Известия Иркутского гос. ун-та. Серия «История». 2016. Т. 17.

2. Потапов Л. П. Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII – XVIII вв.). Абакан: Хакоблгосиздат, 1952. 218 с.

3. Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов. М.: Памятники исторической мысли, 2009. 456 с.

4. Степанова Н. Н. С. П. Крашенинников в Сибири: Неопубликованные материалы. М.: Наука, 1966. 176 с.

5. Куимов В. В., Федорова В. Ф., Быконя Г. Ф., Пимашков П. И., Кирюшин Ю. А. Красноярск: от прошлого к будущему: Очерки истории города. Красноярск: РАСТР, 2013. 640 с.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доцент С. Г. Скобелев

Геометрические и зооморфные орнаменты на берестяных изделиях городища Усть-Войкарское 1

Н. Н. Ковалева

Новосибирский государственный университет

Городище Усть-Войкарское-1 является археологическим памятником эпохи позднего Средневековья – Нового времени Приполярной зоны Западной Сибири. Памятник расположен в Шурышкарском районе ЯНАО на левом берегу р. Горная Обь, в окрестностях д. Усть-Войкары. С 2012 по 2016 гг. на памятнике проводились раскопки под руководством А. В. Новикова.

Благодаря мерзлоте, на памятнике сохраняются артефакты выполненные из органического сырья. Так, за время проведения раскопок на городище Усть-Войкарское-1, была получена коллекция орнаментированной бересты, состоящая из 88 изделий и их фрагментов. По предварительному дендрохронологическому анализу памятник датирован у подножия холма XIV–XV вв., на вершине XVII–концом XIX вв. [1].

Исторически эта территория является зоной проживания обско-угорских и самодийских народов. Из бересты, как наиболее доступного и относительно легкого в обработке материала, изготавливалась различная домашняя утварь: кузовки и короба разных размеров и форм, ножны, люльки, погребальные чехлы и т.п. Эти изделия, как правило, украшали орнаментом [2].

Орнаменты на берестяных изделиях Войкарской археологической коллекции выполнены преимущественно в технике выскабливания, для которой используются оттенки красновато-коричневого тона внутреннего слоя бересты. При соскабливании коричневой пленки выступает желтый слой, образующий орнамент [3]. Орнаменты можно разделить на геометрические и зооморфные.

Геометрические орнаменты встречаются как в криволинейном, так и прямолинейном исполнении. Простые геометрические мотивы представлены прямыми линиями, прямыми перекрещенными линиями с отрезками, ступенчатыми линиями, елочками, ромбами, зигзагами, треугольными зубцами. Встречается мотив свастики. Сложные геометрические мотивы представлены Г-образными, меандрообразными, крестообразными сетками. Криволинейные очертания имеют следующие мотивы: завитки, дополнительно украшенные штрихами, зубчатая спираль

с многочисленными рогообразными веточками-отростками, волнистые линии.

Зооморфные орнаменты исполнены в криволинейном стиле. Они представляют из себя стилизованные изображения животных, главным признаком которых являются наличие туловища, внутренней полости, головы и лап [4]. Животные изображаются сверху, как бы распластанными. В деталях зооморфные орнаменты имеют различные варианты, усложняются дополнительными элементами, многочисленными отростками. В коллекции встречаются такие орнаменты, как «жук», «рыба», популярные у обских угров «медвежьи орнаменты», напоминающие по своей форме распластannую медвежью шкуру с головой.

Орнитоморфная фигура представляет собой стилизованное криволинейное изображение птицы в профиль. Птица изображена в виде S-образной фигуры, имеет раздвоенный хвост, поднятое вверх крыло, от которых отходят многочисленные веточки. В корпус птицы включено дополнительное изображение, возможно маленькой птички.

Для орнаментов данной коллекции характерно разнообразие мотивов, которые имеют сложную конфигурацию и по большей части представлены в криволинейном исполнении. Изучение орнаментов на средневековых берестяных изделиях дает возможность проследить генезис традиционных орнаментов обско-угорских народов [5].

1. Новиков А. В., Гаркуша Ю. Н. Предварительные результаты полевых исследований городища Усть-Войкарское-1 (Приполярная зона Западной Сибири) в 2012–2016 годах // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. – 2017. №3 (88). С. 141–149.

2. Рындина О. М. Орнамент. Очерки культуругенеза народов Западной Сибири. Томск, 1995. Т. 3. 640 с.

3. Дмитриев-Садовников Г. М. Версты и сроки. (Бересто и изделия из него у остяков р. Ваха) // Живая старина. 1916. Вып. 1. Прил. № 4. С. 8–14.

4. Васильева Е. Н. Узоры хантов: живая традиция // Современные проблемы сервиса и туризма, 2012. № 4. С. 9–15.

5. Иванов С. В. Материалы орнамента к проблеме культурно-исторических связей хантов и манси // Советская этнография. 1952. № 3. С. 85–99.

Научный руководитель — канд. ист. наук А. В. Новиков

Длинноклинковое оружие Монгольского времени с территории Казахстана и сопредельных территорий

М. А. Обухова

Новосибирский государственный университет

Монгольская империя XIII в. являлась самым большим и самым влиятельным государством Евразии своего времени. Не удивительно, что многие покорённые монголами народы стали активно заимствовать элементы вооружения завоевателей [1]. Значительный интерес, в данной связи, представляют особенности эволюции комплекса длинноклинкового оружия кочевников Казахстана Монгольского времени. Несмотря на то, что вооружение кочевников Восточного Дашт-и-Кипчак уже привлекало внимание ученых, указанный аспект еще не становился объектом специального научного исследования.

Цель доклада: выявить особенности формирования и эволюции комплекса длинноклинкового оружия nomadов Казахстана XIII–XIV вв.

Для решения поставленной научной задачи были проанализированы 14 экз. длинноклинкового оружия, происходящих с территории современного Казахстана (часть из них до сих пор не опубликована). В результате проведенного анализа, выявлены три категории: сабли, палаши, мечи, происходящие из археологических памятников и из числа случайных находок.

Сабли представлены 8 экз. [2–4]. Чаще всего речь идёт о так называемых «черкесских» (длина клинка около метра и более) и «южносибирских» саблях [1]. Все сабли имеют слабоизогнутые остроугольные клинки. Гарды относятся к классу железных, типу «ладьевидных» (два подтипа: с прямой крестовиной, удлинненно-ромбические) и типу «крестообразных» (подтип: с С-образной крестовиной). Навершие в виде усечённого конуса, либо круглое.

Палаши представлены 5 экз. [4, 6]. Общая длина: 70–104 см. Все палаши имеют прямой однолезвийный остроугольный клинок. Все гарды относятся к классу железных. Выделено два типа: «ладьевидные» (два подтипа: с прямой крестовиной, удлинненно-ромбические) и С-образные (подтип: с С-образной крестовиной).

Для nomadов Монгольской империи мечи, в целом, не характерны. В рассматриваемой серии они представлены 1 экз. [5]. Это меч, найденный на горе Кызыл-Тас. Общая длина – 60 см. Острие обломано (возможно, в ритуальных целях). Гарда С-образная, с овальным расширением в центральной части. Стоит отметить, что перекрестье надето неправильно

(то есть «усами» вверх, хотя они должны быть опущены вниз), что дало исследователям право предположить, что оно не принадлежит этому мечу. Навершие в виде эллипсоидной пластинчатой шляпки.

В целом, можно отметить, что комплекс длинноклинкового оружия номадов Казахстана XIII–XIV вв. имеет симбиотический характер. Сравнительный анализ позволил выделить три основные группы сабель и палашей рассматриваемой серии. К первой относятся образцы, продолжающие линию развития палашей и сабель Кимакского и Кипчакского времени. Не исключено, что они были изготовлены местными мастерами. Ко второй группе относятся сабли южносибирского образца [7], которые могли быть привнесены в регион воинами Чингизхана и его наследников. Третья группа («черкесские сабли») представляет собой импорт с территории западной части Улуса Джучи. Для позднейших образцов сабель серии характерно увеличение кривизны клинка.

1. Бобров Л. А., Белоусова Н.Е. Находки золотоордынского вооружения в Азии и проблема влияния оружейных комплексов Восточной Европы на военное дело народов Сибири, Центральной и континентальной Восточной Азии XIII–XV вв. // Золотоордынская цивилизация. 2015. № 8. С. 156–165.

2. Бисембаев А. А. Археологические памятники кочевников Средневековья Западного Казахстана (VIII–XVIII вв.). Уральск. 2003. С. 130–137.

3. Алланиязов Т. К. Военное дело кочевников Казахстана. Алматы: Фонд «XXI век», 1998. С. 38–42.

4. Иванов В. А., Кригер В. А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М: Наука, 1988. С. 10–12.

5. Плотников Ю. А. Средневековый меч из Восточного Казахстана // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990. С. 150–154.

6. Синицин И. В. Археологические исследования в Западном Казахстане // Труды Института истории и этнографии АН КазССР. Археология. Алма-Ата, 1956. С. 101–111.

7. Горелик М. В. Об одной разновидности евразийских клинков эпохи развитого средневековья // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2004 Сер. II. Вып. 1. С. 86–101.

Научный руководитель — д-р ист. наук, доцент Л. А. Бобров

Курганный могильник эпохи средневековья 2-ое Сибирцево-1

И. В. Рюмин

Новосибирский государственный педагогический университет

Курганный могильник 2-ое Сибирцево-1 располагается в 1,5 км к северо-востоку от села Сибирцево Второе Венгеровского района Новосибирской области, в 50 м к северо-западу от дороги, идущей из села в деревню Филошенку. Могильник состоит из 50 курганов диаметром от 2 до 10 м и высотой от 0,3 до 0,6 м, расположенных компактной группой на территории 16 кв. км. Курганы вдоль северо-восточной границы памятника имеют ровик глубиной до 25 см и шириной до 30 см. Четко прослеживается юго-восточная граница некрополя [1].

Памятник открыт в 1978 г. В. И. Соболевым. Им был раскопан курган №1, расположенный в юго-восточной части могильника. Диаметр данного кургана составлял 7 м, высота – 0,4 м. В центре сакральной площадки было обнаружено захоронение. Могильная яма глубиной около 12 см не имела четких контуров. Предположительно, она была вырыта в гумусированном слое. Погребенный лежал на спине, головой на юго-запад, кости рук вытянуты вдоль тела. Рядом с ним был обнаружен остродонный сосуд. В.И. Соболев отнес памятник к эпохе средневековья и датировал его серединой II тыс. н. э. [2].

В 1984 г. отрядом НАЭ-84 под руководством А. В. Новикова были раскопаны курганы №2 и №3 [3]. Курган №2 имел овальную форму насыпи. Его длина по линии юг – север равнялась 9,6 м, по линии запад – восток – 9 м. Высота – 0,3 м. Насыпь состоит из темно-серой супеси. В центре заполнения кургана встречались угли и прокаленная почва. При снятии второго слоя в северо-западной части был найден костяной наконечник. Во втором слое юго-восточной части присутствовали фрагменты керамики, среди которых: две орнаментированные стенки, два орнаментированных венчика и две стенки сосуда без орнамента. Орнамент представлен прочерченными ломаными линиями, обрамленными круглыми ямочными вдавлениями вдоль венчика сосуда. Стратиграфически материк представляет собой коричнево-желтый суглинок.

Могильное пятно с хорошо прослеживаемыми контурами было обнаружено на уровне погребенной почвы. В заполнении пятна в большом количестве прослеживаются угли, почва сильно прокалена. Могильная яма располагалась в центре кургана. Глубина погребения – 20 см, имело форму неправильного прямоугольника, вытянутого в направлении запад-восток.

В заполнении могилы найдены остатки деревянного сооружения в виде сгоревших плашек, собранных в раму, углы которой были скреплены навозом. Толщина и степень обугленности деревянного покрытия неравномерна.

Под погребальной конструкцией, в золисто-угольной прослойке юго-западной части погребения обнаружены фрагменты хорошо обожженной глины ярко-красного цвета. На дне могилы, в северо-западной ее части, находился круглодонный сосуд и угольная россыпь. В восточной части погребения находились три западины диаметром 15, 17 и 18 см.

Археологически целый круглодонный сосуд орнаментирован по венчику горизонтальными рядами гребенчатого штампа, образующими «елочку». Размер орнаментированного участка составляет 35 – 45 мм от края венчика. Длина одной насечки колеблется в диапазоне от 5 до 10 мм. Высота сосуда составляет 85 – 90 мм. Сосуд представлен фрагментарно, по сохранившимся стенкам можно установить диаметр 370 – 400 мм по тулову сосуда [4].

Похожие по орнаменту изделия найдены в насыпях курганов могильника Кыштовка-2 [5], в культовых местах памятника Сопка-2, в Вознесенском и в Абрамовском городищах [6].

Курган №3 имел диаметр 7,6 м по бровке, проходившей по линии юг – север. По линии запад – восток диаметр составлял так же 7,6 м. Высота насыпи кургана – 40 см. Заполнение насыпи представлено темно-серой супесью.

Таким образом, могильник 2-ое Сибирцево-1 является памятником барабинских татар с явным северным влиянием. Время его существования ограничено периодом середины – второй половины II тыс. н.э.

1. Многопрофильный музей ФГБОУ ВО НГПУ. Ф. Археологии. Оп. Полевых отчетов. Ед. хр. 22/7.

2. Соболев В.И. История сибирских ханств (по археологическим материалам). Новосибирск: Наука, 2008. 360 с.

3. Многопрофильный музей ФГБОУ ВО НГПУ. Ф. Археологии. Оп. Полевых отчетов. Ед. хр. 16/4.

4. Многопрофильный музей ФГБОУ ВО НГПУ. Ф. Археологии. Оп. находок. Ед. хр. 195.

5. Молодин В.И. Кыштовский могильник. Новосибирск: Наука, 1979. 181 с.

6. Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьёв А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 262 с.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доцент И. А. Дураков

Стилистические особенности антропоморфных изображений в круге из памятника Верхний Сузун-10

Н. А. Семакова

Новосибирский государственный университет

В 2017–2018 гг. археологическими отрядами Новосибирского краеведческого музея проводилось исследование памятника Верхний Сузун-10. В результате раскопок были выявлены комплексы, относящиеся к двум историческим периодам: ирменской культуре эпохи бронзы X–VIII вв. до н. э. и раннему средневековью VI–IX вв. н. э. К эпохе бронзы отнесены находки керамики, приуроченные к жилищным западинам. Со средневековым периодом связаны многочисленные находки металлопластики (более 120 экз.) Все предметы были обнаружены в верхнем пахотном слое почвы и в планиграфическом отношении располагались тремя отдельными скоплениями [1]. Основную часть коллекции бронзовых литых предметов составляют орноморфные, зооморфные, антропоморфные, а также сюжетные изображения. По наличию сохранившейся и обломанной петли у трех экземпляров можно говорить об использовании предметов как подвесок.

Среди антропоморфных изображений выделяется группа из семи предметов, обладающих схожей композиционной схемой: фигура вписана в круг (в полный рост, поза в анфас), ноги расставлены и упираются в нижнюю часть кольца, голова касается верхней части кольца. Исключение составляет экз. 7, антропоморфная фигура которого заключена в прямоугольную рамку. Все подвески имеют разные размеры.

Пять из семи экземпляров изготовлены в технике плоского литья в односторонней форме (из них два предмета оставлены без постлитейной обработки – экз. 4, 5) и два отлиты в двухсторонней форме (экз. 1 и 6). Общим стилистическим признаком является схематизм в передаче антропоморфных изображений. Иконографические наблюдения позволяют отметить тяготение формы головы к ромбу, что может быть связано с передачей треугольного головного убора и бороды. Непропорционально большая голова присутствует у фигуры на экземпляре 7. Л. А. Чиндина отмечает «большеголовость», как признак характерный для полнофигурных изображений кулайской культуры [2]. Декоративный элемент наблюдается только на фигуре экземпляра 1 – остроконечный треугольный орнамент на шее. Антропоморфные черты лица прослеживаются на экземплярах 1 и 7. В первом случае тщательно проработаны глазные западины, нос и широко растянутый рот. Во втором

случае черты лица проявлены нечетко: глаза переданы в виде точек, рот также растянут. У фигуры экземпляра 7 руки с выделенными кистями согнуты в локтях и подняты кверху, что является нехарактерной чертой для данной группы изображений. Экземпляр 6 выделяется как промежуточный тип между антропоморфными и орнитоморфными фигурами. Тело покрыто углубленными перекрестными полосами, напоминающими оперение; остроконечные крылья (руки) свисают вниз. Нижняя часть изображения может быть интерпретирована как ноги, и как хвост, поза статичная. Антропоморфные фигуры характеризуются динамичной передачей поз.

Мобильная пластика и наскальные изображения с включением антропоморфных фигур в пространство круга встречаются на широкой территории [3]. В Западной Сибири наиболее территориально и композиционно близкой аналогией верхнесузунской группе является случайная находка из памятника Завьялово-2 [4].

Таким образом, в коллекции бронзового литья из памятника Верхний Сузун-10 выделяется группа из семи типологически близких изображений, шесть из которых относятся к антропоморфному типу и одна (экз. 6) к переходному типу. Наиболее схожими композиционными признаками обладают экземпляры 1-5. Экземпляр 7 выделяется из общей группы постановкой рук и расположением фигуры не в круге, а в подпрямоугольной рамке. Результаты анализа позволяют поставить вопрос о выделении в металлопластике раннего средневековья Новосибирского Приобья определенного изобразительного стандарта (или локальной изобразительной традиции).

Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности лаборатории гуманитарных исследований НГУ.

1. Росляков С. Г., Шуклина Ю. К. От лопаты до айпада: музейный проект «Дети неба» // V Северный археологический конгресс: тезисы докл. Екатеринбург, 2019. С. 429–432.

2. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск: Изд-во ТГУ, 1984. 256 с.

3. Мухарева А. Н., Советова О. С. Об одном любопытном сюжете на скалах Минусинской котловины // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2013. № 1. С. 82–90.

4. Троицкая Т. Н., Дураков И. А., Савин А. Н. Бронзовое изображение человека в круге // Шестые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск: ОмГУ, 2004. С. 235–238.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. О. А. Митько

Биджинская коллекция серебряных сосудов в собрании Государственного исторического музея

Ю. А. Солод

Новосибирский государственный университет

Одними из наиболее выразительных проявлений средневековой материальной культуры являются ювелирные изделия и высокохудожественные предметы торевтики. Они представлены в большом количестве и разнообразии в археологических культурах кочевников Южной Сибири, у которых широкое распространение получили различные виды металлообработки. В качестве самостоятельной отрасли ювелирного дела можно выделить технику изготовления посуды из драгоценных металлов. Серебряные сосуды встречаются в элитных курганных погребениях, однако значительная часть была найдена случайным образом, и зачастую обстоятельства находок определяли как их дальнейшую судьбу, так и возможности изучения. Наиболее полная сводка по средневековым серебряным сосудам представлена в альбоме Я. И. Смирнова [1]. Комплексные исследования, включающие анализ состава металла и технологии изготовления не проводились.

В данной работе представлены результаты наблюдений за техникой изготовления сосудов из состава биджинской коллекции. В Журнале МВД приведены краткие сведения об обстоятельствах обнаружения предметов. Они были найдены местными жителями д. Биджа, на расположенной недалеко от населенного пункта Колмаковой горе (современная Хакасия) [2]. В 1980-х гг. при осмотре данной местности, Л. Р. Кызласов предположил, что все сосуды были обнаружены в расположенных на вершине горы аскизских погребениях, совершенных по обряду трупосожжения на стороне с последующим захоронением праха под насыпями курганов [3]. Сообщается в общей сложности о 22 сосудах. Большинство из них было куплено у находчиков и передано в центральные музеи страны. Однако в настоящее время известно лишь о 10 экз., ставших экспонатами Румянцевского музея, где они находились вплоть до его закрытия в 1924 г., а затем поступили в Государственный исторический музей.

Все сосуды имеют форму кувшина без ручки на высоком псевдоподдоне с широким, округлым туловом, вытянутой сужающейся горловиной и отогнутым краем по венчику. Многочисленные вмятины, потертости, разрывы металла и трещины, фиксируемые на туловах сосудов, свидетельствуют об их длительном функциональном

использовании. Также на большей части сосудов заметны следы реставрационных мероприятий, однако данные о них в архиве музея отсутствуют.

Способ изготовления сосудов фиксируется на отдельных участках со следами, оставшимися в результате обработки металла. Большинство из них визуально наблюдаемы хорошо при обычном освещении. Технология изготовления включала следующую последовательность операций.

Первоначально путем деформации листового металла формировались отдельно тулово и горловина. Толщина стенок изделия не превышает 2 мм. На внешней стороне отсутствуют такие специфические признаки, как литейная поверхность и литейный брак. Это позволяет предположить, что формообразование каждой части изделия осуществлялось на опорных инструментах методом холодной обработки (так называемой выколоткой) и выполнялось с помощью молотков со слегка выпуклыми или шаровидными бойками [4]. На внешней (лицевой) стороне прослеживаются следы в виде вмятин, которые не были удалены последующей механической обработкой. На внутренней поверхности изделия вмятины менее заметны или имеют нечеткие контуры.

Соединение частей производилось механическим способом с последующей пайкой. Важно отметить, что разрушение по месту пайки, наблюдаемое на одном сосуде, вероятно, произошло в результате использования припоев. В местах соединения частей паечные швы практически не просматриваются из-за их тщательной зачистки, однако выделяется так называемый уступчик.

Таким образом, у всех представленных сосудов прослеживается одна традиция, объединяющая набор технологических операций. Это позволяет говорить о том, что все сосуды относятся к одной серии и изготавливались в одной мастерской.

Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности Лаборатории гуманитарных исследований НГУ.

1. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской Империи. Предисловие Я.И. Смирнова. СПб., 1909. 18 с.

2. Археологические поиски по Абакану и верховьям Енисея // Журнал министерства внутренних дел, 1847. Ч. 17. С. 296.

3. Кызласов И. Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. // САИ. Вып. ЕЗ-18. М.: Наука, 1983. С. 39–40.

4. Минасян Р. С. Металлообработка в древности и Средневековье. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. С. 240–242.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доц. О. А. Митько

Перспективы применения экспериментального метода для изучения традиционных луков

Р. М. Харитонов

Новосибирский государственный университет
НОП «Палеотехнологии» НОЦ «Новая археология» ГИ НГУ

Экспериментальное изучение предметов вооружения представляет большой интерес для специалистов. Между тем, эксперименты, связанные с исследованием ручного метательного оружия главным образом сводятся к выяснению поражающих и баллистических характеристик стрел. Основные проблемы, связанные с экспериментальным изучением луков, состоят в малочисленности находок целиком сохранившихся предметов, а также трудоемкостью и сложностью процесса их реконструкции.

Большинство исследователей основополагающей характеристикой традиционных луков считают силу натяжения (усилие, которое прилагается для натяжения тетивы при совершении выстрела). Существует, однако, значительно большее число характеристик, необходимых для получения устойчивого представления о той или иной конструкции. В их число входит: вес лука, количество накапливаемой луком энергии во время натяжения и сопоставление ее с максимальной силой натяжения, значение силы натяжения на каждый измеряемый отрезок натяжения и т.д. Все это позволяет проследить эффективность той или иной конструкции, а также принцип накопления энергии относительно прилагаемых лучником усилий, что в значительной степени отражает особенности техники стрельбы.

Важно также и то, какую часть накопленной энергии лук способен передать стреле, что напрямую отражается на эффективности выстрела.

Все отмеченные вычисления могут быть получены только в ходе экспериментального исследования, так как не имея реконструкции того или иного типа лука, с полной уверенностью говорить обо всех особенностях его работы не представляется возможным.

Одним из ярких примеров всестороннего изучения традиционного лука является работа голландского исследователя П. Деккера [1]. После длительного изучения им предметов из музейных и частных коллекций, по его заказу китайскими мастерами была изготовлена реконструкция традиционного маньчжурского лука, в ходе изучения которой были получены конкретные данные о реальных характеристиках лука данной конструкции. П. Деккер убедительно показал, что для маньчжурских луков есть «порог эффективности» массы натяжения между 32 кг и 36 кг. Луки

маньчжурской конструкции с силой натяжения не достигающей этого «порога», по своим характеристикам значительно уступают простым лукам с той же силой натяжения. По достижению отмеченного «порога» маньчжурские луки значительно более эффективны (увеличивается начальная скорость полета стрелы и количество передаваемой стреле энергии). Сила необходимая для натяжения маньчжурского лука наиболее существенно возрастает в самом начале натяжения, после чего распределяется гораздо более равномерно по всей длине натяжения тетивы. По мнению П. Деккера, из-за значительного веса и длинных негнувшихся концов маньчжурский был лук наиболее приспособлен для метания тяжелых стрел на сравнительно небольшие расстояния.

Представленные П. Деккером данные объясняют с практической точки зрения некоторые лучшие традиции и особенности ведения боя маньчжурскими воинами.

Дискуссионным является вопрос о силе натяжения лука достаточной для нанесения повреждений противнику. Решение данной проблемы также кроется в реконструкции целиком сохранившихся предметов. Особый интерес в связи с этим представляет «порог эффективности», являющийся одной из основных характеристик при выделении композитных луков сложной конструкции относительно простых луков. Нужно, однако, учитывать, что данный показатель отличается для каждой отдельной конструкции.

Представленные выводы свидетельствуют о перспективности экспериментального изучения традиционных луков. Создание и исследование реконструкций целиком сохранившихся средневековых предметов позволят получить устойчивые представления о боевых характеристиках ручного метательного оружия и наиболее полно понять процессы, связанные с разного рода модификациями конструкции луков с течением времени. Кроме того, экспериментальное изучение луков и стрел позволит по новому взглянуть на особенности некоторых традиций связанных, с техникой стрельбы и хранением лука, а также принципами ведения боя.

1 Dekker. P. The Manchu bow // Manchu archery: 21.08.12 URL: <http://www.manchuarchery.org/bows> (дата обращения: 20.02.2020)

Научный руководитель — д-р ист. наук А. И. Соловьев

Мореплавание и морская торговля культуры мантеньо

Д. М. Шиляева

Новосибирский государственный Университет

Культура мантеньо-гуанкавилка – культура прибрежной части Эквадора (современные провинции Манаби, Гуаяс, Санта-Элена) – являлась замыкающей в цепочке самобытных доиспанских предгосударственных образований (650–1532 гг. по данным радиоуглеродного датирования). Мантеньо известны предметами материальной культуры (керамика, каменные троны, деревянные тотемные столбы), и развитой системой мореплавания. Информацию о мореплавании и морской торговле мантеньо можно, в основном, найти в зарубежной литературе (J. G. Marcos, A. J. Martín, J. Estrada). В публикациях и докладах отечественных авторов представлены пока лишь отдельные сюжеты (Ю. Е. Березкин, Е.С. Леванова, А. В. Табарев).

Мантеньо вели морскую торговлю на севере (с Центральной и Месоамерикой – территория современной Западной Мексики) и на юге (с культурами Перу). Морская торговля стала возможна с развитием техники мореплавания и изготовления плотов (balsa). Они строились из бревен бальзового дерева, встречающегося только на территории Эквадора, с несколькими мачтами и парусами. Такой плот выдерживал груз до 30 т. и управлялся экипажем, численностью до 20 человек [1]. Основными продуктами для торговли являлись маис, жадеит, раковины *Spondylus*.

О развитии мореплавания вдоль побережья Эквадора нам известно из хроник европейских конкистадоров, путешественников, исследователей (Бартоломе Руис, Антонио де Ульоа, Хорхе Хуан), изделий из керамики различных культур (например, Чиму, XIII–XV вв.) с изображением плотов, «лодок», сюжетов мореплавания. Особенного внимания в вопросе морской торговли заслуживают раковины *Spondylus*, встречающиеся преимущественно у берегов современной провинции Манаби. Они считались «полудрагоценным» материалом, так как использовались в ритуалах, связанных с плодородием. Изделия из раковин *Spondylus* были найдены в тайниках и погребениях (культур майя, чиму). Эти факторы повлияли на развитие не только межрегиональной торговли, но и социально-политической структуры общества. [3].

По данным современных исследований в области экспериментальной археологии наиболее благоприятным временем для отплытия от берегов Эквадора с точки зрения погодных условий были май и апрель. В этот период попутный юго-западный ветер позволял мореплавателям достичь

берегов Мексики к сентябрю или октябрю, где они останавливались на 5–6 месяцев и отплывали обратно в марте или апреле [2]. Перемещались группами от 3 до 5 плотов, один из которых, вероятно, нагружался запасной древесиной.

Итак, на основе этих фактов мы действительно можем говорить о том, что мантеньо вели морскую торговлю с другими районами доколумбовой Америки, однако ряд технических вопросов остается открытым. Например, что помогало мореплавателям ориентироваться в открытом море, или как представители культуры мантеньо доставляли бревна для плотов к побережью, не имея колесного транспорта, как далеко на север и юг вдоль побережья они путешествовали?

1. Marcos J.G. The Manteño-Huancavilca Merchant Lords of Ancient Ecuador: their predecessors and their trading partners. Washington, 1998.

2. Callaghan R. Prehistoric Trade between Ecuador and West Mexico // *Antiquity*. 2003. V. 77 (298). P. 796–804.

3. Martín A. J. Trade and Social Complexity in Coastal Ecuador from Formative Times to European Contact // *Journal of Field Archaeology*. 2010. V.35 (1). P.40–57.

Научный руководитель — д-р ист. наук А. В. Табарев

ШКОЛЬНАЯ СЕКЦИЯ

УДК 902/904

Торгово-обменные отношения Востока и Западной Сибири в раннем средневековье (V–XIII вв.)

А. А. Гракович

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение
школа № 51, г. Новосибирск

Многие исследователи отмечают историческую важность процессов, протекавших в Западной Сибири в период синхронный европейскому раннему средневековью. В это время происходит сложение феодального уклада в Европе, а на периферии распад первобытных отношений. Несмотря на свою кажущуюся периферийность и “отсталость” народы Сибири были активно втянуты в различные этнические и торговые отношения.

Целью настоящего исследования является реконструкция торгово-обменных связей Томско-Нарымского Приобья Западной Сибири со странами Востока в период с V в. по XIII в.

В процессе работы мы ознакомились с материалами с нескольких археологических памятников. Это курганные могильники: у Архиерейской заимки, Тимирязевские I и II, Астраханцевский, Басандайский, могильник Рёлка, могильник у устья Малой Киргизки.

Исследователи выделяют три возможных направления торгово-обменных связей нашего региона со средневековыми государствами Востока.

Прежде всего, это довольно активные связи в направлении Китая. На территории Томско-Нарымского Приобья археологам известно около двух десятков бронзовых китайских монет, 8 бронзовых зеркал, а также фрагменты китайских шелковых тканей [1]. Скорее всего, эти предметы попали в наш регион в VII–VIII вв. от восточных соседей – кыргызов, которые поддерживали дипломатические отношения с китайской империей Тан. Китайские письменные источники содержат записи о приездах кыргызских посланников к двору императора со второй четверти VII в. до середины VIII в. Количество обнаруженных бронзовых монет и остатки шелковых тканей позволили востоковеду Е. И. Лубо-Лесниченко

предположить, что Приобье было связано с «киргизским» шёлковым путём [2].

Второе направление контактов – территории Средней Азии и Сасанидский Иран. О подобного рода связях свидетельствуют находки фрагментов бронзовых круглодонных чаш, бронзовое зеркало из могильника у Малой Киргизки с рельефным изображением сенмурва в центре, стеклянные бусы, а также многочисленные импортные бусы (на памятниках X в. их 20 экз., а на памятниках XIII в. уже 392 экз.) [3]. Вероятно, чаши и зеркала могли попасть в регион двумя путями:

1) иранский импорт шёл через Волжско-Балтийскую торговую артерию в Прикамье, а затем попадал в Томско-Нарымское Приобье [4];

2) среднеазиатские артефакты попали в Приобье в результате контактов с Тюркским каганатом, у которого в VI–VII вв. находились в зависимости Хорезм и Согдиана.

В третьих, племена Приобья поддерживали тесный контакт с тюрками-кочевниками. Об этом свидетельствуют находки латных пластин от доспехов, обрывок кольчуги, тюркский шлем, элементы конской упряжи. Такое защитное вооружение представляет тюркский импорт, либо создано под его влиянием [3].

Данные археологии позволяют определить, что в постоянные торгово-обменные отношения с Востоком население Томско-Нарымского Приобья вступает лишь в середине VII в. С VII по X вв. через восточных и южных соседей в регион проникают предметы из Китая, с территории Тюркских каганатов и среднеазиатских государств (Иран, Согдиана, Хорезм, Мавераннахр). В начале II тыс. н.э. объём ввоза предметов восточного происхождения значительно снижается.

1. Барина Е. Б. Проникновение китайской материальной культуры в Южную Сибирь в домонгольское время // Вестник ТГУ. № 362. 2012.. С. 73–80.

2. Лубо-Лесниченко Е. И. «Уйгурский» и «киргизский» пути в Центральной Азии // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XXVII (Культура и искусство народов Востока. 9). Л.: Искусство. 1989. С. 4–9.

3. Плетнева Л. М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск: Изд-во ТГУ, 1997. 350 с.

4. Беликова О. Б. Плетнева Л. М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. Томск: Изд-во ТГУ, 1983. 245 с.

Научный руководитель — преподаватель археологического кружка
Д. Н. Бобин

**Археологические исследования горно-таежной местности
северо-востока Забайкальского края**

В. С. Забелина

Читинский техникум железнодорожного транспорта ЗаБИЖТ ИрГУПС,
г. Чита

Проблемы археологического изучения северо-восточного Забайкалья, которое включает в себя Сретинский, Чернышевский, Могочинский и Тунги́ро-Олекминский районы Забайкальского края, связаны с труднодоступностью, удаленностью и практическим отсутствием коммуникаций. В 1996 г. в связи с подготовкой к сооружению федеральной дороги «Амур» в створе ее будущего строительства была осуществлена широкомасштабная археологическая разведка, позволившая открыть большое количество различных археологических объектов. В 2001 г. начался этап аварийно-спасательных работ, в ходе которых на археологических памятниках, которые попадали в зону строительства, были проведены раскопки. В тот же год к этим исследованиям присоединяется отряд студентов ЧТЖТ, который входил в состав экспедиций Центра сохранения исторического и культурного наследия Читинской области под руководством С. А. Афанасьева. Изучались два крупных поселения периода неолит–бронза, а также этноархеологические объекты в нижнем течении реки Большая Чичатка.

Этноархеологический памятник, который представлял собой группу каменных кладок в долине р. Большая Чичатка, был исследован в 2001 г. Памятник представляет собой группу каменных кладок, различной формы в количестве 105 объектов, из которых 29 было исследовано. Под частью кладок или рядом были зафиксированы следы прокала и могильные ямы, какой-либо инвентарь отсутствует [1].

В 2002 г. исследования продолжились в среднем течении р. Большая Чичатка. Там была изучена часть стоянки Сестренки-1. Два культурных слоя представили коллекцию из 544 артефактов: рубило, долото, отщепы с мелкой ретушью, микропластины с мелкой ретушью, микропластинки, отщепы, чешуйки. Выявлено зольное пятно размером 0,7 х 0,9 м, насыщенное преимущественно отходами расщепления камня. Археологический материал залегал скоплениями, образуя семь хозяйственных зон, где производилось расщепление камня с целью изготовления и переоформления орудий. Стоянка предварительно датирована бронзовым – ранним железным веками [2].

В том же году раскопки проводились на местонахождении на р. Ундурга. Выявлено два зольных пятна, насыщенных находками. Рядом с одним из пятен выявленга обкладка легкого переносного жилища летнего типа. Коллекция из 3174 каменных артефактов включает 31 нуклеус, скребла, скребки, долото, ножи, пилки, скобели, острие, проколки и провертки, два галечных грузила, наконечник стрелы с бифасиальной обработкой, тесла. Особый интерес представляет рубящее орудие длиной 51 см. Оно бифасиально обработано и заострено с одного конца. Сырье для изготовления каменных орудий – кремнистые породы, яшма и туфопесчаник. Керамическая коллекция представлена фрагментами от трех открытых круглодонных сосудов. Стоянка относится к эпохе неолита.

В целом материалы этих исследований и археологических разведок позволяют составить, хоть и предположительную, картину миграции и жизни населения этого региона в период неолит – ранний железный век. Для получения более полной картины требуется продолжение исследований, к сожалению закончившихся с завершением строительства федеральной автодороги «Амур».

1. Афанасьев С. А. Большая Чичатка // Малая энциклопедия Забайкалья: Археология. Новосибирск: Наука, 2011. С. 77.

2. Афанасьев С. А., Рафибеков Э. М. Археологические работы в зоне строящейся федеральной автодороги «Амур» на стоянке Сестренки-1 // Археологические открытия 2003 г. М.: Наука, 2004. С. 371.

3. Афанасьев С. А. Сестренки -1 // Малая энциклопедия Забайкалья: Археология. – Новосибирск: Наука, 2009. С. 264–265.

Научный руководитель — преподаватель высшей категории
Р. В. Смоляков

Проблемы охраны и сохранения, современное состояние памятников истории и культуры среднего течения реки Шилка

Р. А. Заболотова

Читинский техникум железнодорожного транспорта ЗаБИЖТ ИрГУПС,
г. Чита

Наша группа входит в состав Шилкинского археологического отряда ИАЭТ СО РАН с 2011 г. Главной целью деятельности отряда является исследование археологического микрорайона в среднем течении реки Шилка от устья р. Кара до устья р. Горбица в Сретенском районе Забайкальского края [1].

В 2013 г. была проведена археологическая разведка реки Черная от станции Сбега до устья. Разведывательный маршрут был продолжен в 2014 г. по Шилке от устья р. Черная до устья р. Часовинка в Могочинском районе. В ходе разведки была затронута проблема охраны исследуемых объектов. На первый взгляд, из-за удаленности от крупных населенных пунктов и труднодоступности региона сохранности памятников ничего не угрожает. Но еще в 2013 г. были выявлены нарушения культурного слоя Усть-Чернинского и Чудейского городищ, где были обнаружены следы попыток незаконного вскрытия оборонительных валов, жилищ и межжилищного пространства [2].

Актуальна и проблема полного уничтожения памятников золотодобывающими компаниями. Под такой угрозой находится абсолютно не изученный археологический комплекс в устье реки Желтуга [3]. Его территорию планируют разрабатывать как Давенденский, так и Усть-Карский прииск. Свою лепту вносят лесодобывающие компании, разрушая археологические объекты карьерами и дорогами.

Отдельную опасность представляют не столько «черные археологи» (которые, к счастью, пока редкие гости в этом регионе Забайкалья), сколько отдельные местные краеведы, которые, не имея «Открытого листа» и необходимых профессиональных навыков, наносят непоправимый урон археологическим памятникам незаконными шурфовками.

Природные факторы тоже немаловажны. В ходе катастрофических для Забайкалья наводнений 2013 и 2019 гг. р. Шилка активно размывала береговую линию, что, в частности, нанесло существенный урон некоторым объектам городища в пади Проезжая. Под воздействием выветривания и других природных факторов разрушаются уникальные для

Забайкалья и практически не изученные писаницы Джалинда и Ларги, на которых изображены антропоморфные фигуры, животные и др. [4].

Большую тревогу вызывает состояние исторических объектов села Горбица Сретенского района. Это деревянная церковь Прокопия Устюжского (1887 г.), сочетающая в себе стили барокко и классицизма. Практически уничтожено здание почтово-телеграфной конторы (XIX в.). В удовлетворительном состоянии находится памятник на братской могиле красногвардейцев и партизан времен гражданской войны.

Проблема охраны исторических и природных объектов реки Шилки в Сретенском и Могочинском районах Забайкальского края стоит как не когда остро. Спасти их для будущих поколений может только исследовательская работа, усиление контроля государства за охраной объектов природного и историко-культурного наследия, разъяснительная работа с местным населением, развитие туризма, что должно привлечь новые инвестиции в усиление охраны памятников как привлекательных объектов для туристов.

1. Алкин С. В. Шилкинская система городищ // Малая энциклопедия Забайкалья: Археология. Новосибирск: Наука, 2011. С. 349–351.

2. Ахметов В. В., Алкин С. В. Укрепленное поселение Сивачи в составе Шилкинской системы средневековых городищ // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2015 г. Том XXI. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. С. 189–192.

3. Ахметов В.В., Алкин С.В. Археологическая разведка в Сретенском районе Забайкальского края в 2014 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2017 г. Том XXIII. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ, 2017. С. 26-29.

4. Пахунов А. С., Алкин С. В., Илющечкин В. С. Изучение писаницы на реке Джалинда в Сретенском районе Забайкальского края в 2019 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2019 г. Том XXV. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ, 2019. С. 549–555.

Научный руководитель — преподаватель высшей категории
Р. В. Смоляков

История и перспективы изучения археологического микрорайона среднего течения реки Шилка

А. И. Муллагалева, В. А. Грицай

Читинский техникум железнодорожного транспорта ЗаБИЖТ ИрГУПС

Первые описания памятников археологического микрорайона в среднем течении р. Шилка от устья р. Кара до устья р. Горбица в Срегенском районе Забайкальского края относятся к 1915–16 гг. и были выполнены краеведами А. Н. Банщиковым и П. П. Орловым. В середине 1950-х гг. район был охвачен разведкой ДВАЭ под руководством А. П. Окладникова. С 2006 г. археологическим отрядом ИАЭТ СО РАН и Забайкальского краевого краеведческого музея им. А.К. Кузнецова был начат новый этап комплексных работ, в ходе которых составлены инструментальные планы нескольких средневековых укрепленных поселений, осуществляется многолетняя программа ширококомасштабных раскопок жилых и хозяйственных комплексов, а также элементов фортификации городища у с. Усть-Чёрная, изучаются другие типы археологических памятников района [1]. Параллельно в течении двух полевых сезонов (2008–2009 гг.) Верхенамурский археологический отряд ЗаБГУ исследовал городище в пади Проезжая.

В ходе исследований сформировалось две точки зрения по вопросу этнической принадлежности изучаемых археологических памятников.

Первая основана на гипотезе, сформулированной руководителем археологического отряда ИАЭТ СО РАН С. В. Алкиным. Он и его коллеги предполагают, что данная группа памятников является самым западным анклавом мохэских племён, что подтверждается сопоставлением результатов изучения материальной культуры шилкинских городищ и многочисленных памятников мохэской археологической культуры на сопредельных территориях российского Приамурья и Северной Маньчжурии [3].

Вторая, предполагающая принадлежность данных памятников к шилкинской группе Шивэй, предложена Е. В. Ковычевым, который основывается на результатах раскопок памятника в пади Прибрежная [2] и для подкрепления своей гипотезы привлекает в т.ч. опубликованные материалы работ новосибирских археологов.

С 2011 г. в состав археологического отряда ИАЭТ СО РАН влились студенты нашего техникума. Помимо активного участия в раскопках работ и разведывательных маршрутах, их первой самостоятельной исследовательской задачей, которая была поставлена руководителем работ

С. В. Алкиным, стало экспериментальное определение возможности использования различных средств связи между укрепленными поселениями Шилкинской системы городищ. Сначала были получены предварительные выводы об ограниченности срочной курьерской и невозможности звуковой связи, что объясняется рельефом и природными условиями местности в районе впадения в Шилку реки Черная. Выдвинуто предположение, что наиболее эффективным средством связи могла быть визуальная сигнализация. Были проведены расчёты возможных расстояний видимости зрительных сигналов [4].

В ходе полевых работ 2012 г. в непосредственной близости от Усть-Чёрнинского городища обнаружены остатки двух кострищ, предположительно имеющих отношение к системе визуальной сигнализации. Проверка предварительных расчетов и натурных наблюдений была осуществлена летом 2013 г. Эксперимент и несколько реконструкций полностью подтвердили выдвинутую ранее гипотезу о возможности визуальной коммуникации между поселениями.

В настоящее время сформулирована новая задача, связанная с изучением фортификационного искусства средневекового шилкинского населения. Ведется подготовка к эксперименту по моделированию элементов средневековой фортификации одного из поселений Шилкинской системы городищ. Студенты ЧТЖТ в составе археологического отряда ИАЭТ СО РАН принимают участие в мониторинге ранее известных и в поиске новых памятников, что способствует накоплению данных по фортификации и позволит уточнить этническую принадлежность Шилкинских городищ.

1. Алкин С. В. Шилкинская система городищ // Малая энциклопедия Забайкалья: Археология. Новосибирск: Наука, 2011. С. 349–351.

2. Ковычев Е. В. О некоторых знаковых аспектах изучения Шилкинских городищ // Социогенез в Северной Азии. Иркутск: Изд-во ИГТУ, 2009. С. 170–177.

3. Колосов В. К., Нестеренко В. В., Алкин С. В., Васильев С. Г. Новые данные по археологии Сретенского района // Сретенский район: история и современность. Чита: Экспресс-издательство, 2008. С. 53–56.

4. Суворова А. Н., Вебер Е. И. Расчет реконструкций сигнального костра городища Усть-Чёрная Шилкинской системы городищ // Археология, этнология и антропология. Междисциплинарный аспект: Материалы докл. II регион. археол.-этногр. конф. студентов и молодых ученых. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2013. С. 261–263.

Научный руководитель — преподаватель высшей категории
Р. В. Смоляков

Об одном из способов фиксации волос средневекового населения степей Евразии

Д. В. Нольфин, С. В. Мальцев

Факультет базовой подготовки Новосибирского государственного университета экономики и управления

Целью нашей работы, является локализация группы находок из погребений средневековых кочевников Евразии, интерпретированных Ю. П. Алехиным, как зажимы для волос и проверка правильности этого предположения путем моделирования на репликах выявленных находок.

Задачи исследования следующие:

- анализ научной литературы с целью выявления и локализации предполагаемых зажимов для волос;
- изготовление реплик зажимов в натуральную величину с системой фиксации на причёске;
- экспериментальное восстановление способов фиксации зажимов для волос с применением выявленных модификаций.

В 1990-е гг. при исследовании женского погребения из кимакского кургана в Рудном Алтае возле черепа погребённой были выявлены три металлических пластинки размером 6х1 см с зубчатым оформлением одной из сторон и сквозными отверстиями в основании двух из трех пластин [1]. В 2005 г. при исследовании детского погребения №24 в берестяном коробе из кургана №19 курганного могильника Санаторный-I, были выявлены аналогичные металлические пластины меньшего размера [2]. В ходе изучения проблемы миграции половцев в Северном Причерноморье М. В. Квитницким были выявлены два комплекса аналогичных по форме и, возможно, функции предметов: на территории Крыма в склепе могильника Черноземное-3 (погр. 13) и на востоке Украины (Луганская область) в могильнике Кондратьевка-IV (погр. 2) [3].

Все выявленные предметы проанализированы и датированы. Самым ранним, возможно, является зажим из Рудного Алтая, а поздним – из Луганской области. Все эти находки укладываются в промежуток IX – первая половина XIII вв., т.е. датируются предмонгольским периодом.

Для проведения эксперимента по изготовлению реплик артефактов нами были выбраны наиболее хорошо сохранившиеся зажимы с территории Рудного Алтая и Крыма.

Изготовленные реплики зажимов имели как общую трехчастную структуру, так и конструктивные различия по количеству функциональных

отверстий, по количеству зубцов. Путем добавления длинных и коротких кожаных ремешков, нам удалось добиться определенных результатов в фиксации прически.

В ходе проведенной экспериментальной работы, нами были получены следующие результаты:

– удалось подтвердить предположение Ю. П. Алехина о функциональном назначении трехчастных украшений из трех пластин с зубцами и отверстиями в их краях;

– путем экспериментального моделирования, мы смогли не только восстановить способы фиксации части прически в форме косы, но и проследить конструктивные различия зажимов для волос от Алтая до Украины.

1. Алехин Ю.П. Курган кимакской знати на Рудном Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. IX. Барнаул: Алтайский университет, 1998. С. 201–203.

2. Савинов Д. Г., Новиков А. В., Росляков С. Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. 424 с.

3. Квитницкий М.В. Происхождение и пути миграции половцев в Северном Причерноморье // *Stratum plus*. № 6. 2015. С. 215–235.

Научный руководитель — преподаватель НГУЭУ С. А. Пилипенко

О функциональном назначении берестяных трубочек из женских погребений курганного могильника Малый Чуланкуль-I

Ю. А. Румянцева

Факультет базовой подготовки Новосибирского государственного университета экономики и управления

Целью работы, является атрибуция берестяных трубочек из погребений барабинских татар XVII-XVIII вв. из могильника Малый Чуланкуль-I.

Задачами исследования являются:

– выявление среди фондов археологического хранения НГПУ берестяных трубочек из материалов раскопок погребений курганного могильника Малый Чуланкуль-I.

– расчистка и описание находок с целью выявления их конструктивных особенностей;

– соотнесение результатов полевого и камерального наблюдений с этнографическими реалиями XVII в.

В 1987 г. Западно-Сибирским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИИФФ СОАН СССР в Венгеровском районе Новосибирской области под руководством ныне д-ра ист. наук А. И. Соловьёва был исследован курганный могильник Малый Чуланкуль-I [1].

При раскопках курганов 2 (погребение 1) и 5 (погребение 1) были найдены четыре берестяные изделия, отнесенные автором раскопок к категории украшений для волос, т.н. «накосниц». До недавнего времени, эти находки не привлекали внимания исследователей.

При исследовании данных берестяных изделий с позиции технологии изготовления и применения их в качестве накосниц, мы выявили ряд несоответствий гипотезы об их использовании в качестве украшений для волос.

Всего изучено четыре берестяных изделия, изготовленных из цельного листа бересты размером 30-35 см в длину и 10 см в ширину. Лист бересты был ориентирован рисунком коры вдоль листа. Лист сворачивался в трубку и сшивался ниткой косым швом. Снизу вверх трубка сужается, имея диаметр от 3,5 до 1,5 см. В верхней части трубка была распушена, корпус имел замятия от обтяжки тканью.

Имея опыт работы со средневековыми головными уборами XIII-XIV вв. на базе этно-археологического клуба «Кыпчак» мы увидели тождественность конструкций берестяных трубочек из могильника Малый Чуланкуль-I с монгольскими женскими головными боками.

В результате проведенной работы, были выявлены конструктивные параллели. Изготовление полноразмерных реплик позволят нам в дальнейшем проверить наши выводы.

Таким образом, нами были выявлены не только особенности конструкции этих берестяных изделий, но и следы от их использования при носке. Сравнение с этнографическими данными не выявило прямых аналогий, кроме парности носимых украшений. Вопрос о предназначении берестяных «накосников» из коллекции могильника Малый Чуланкуль-I остается открытым.

1. Молодин В. И., Соболев В. И., Соловьев А. И. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1990. 262 с.

2. Соловьев А. И. О жертвоприношениях людей у древнего населения Прииртышья // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск, Сибирское отделение, 1990. С. 92–103.

Научный руководитель — преподаватель НГУЭУ С. А. Пилипенко

Опыт реконструкции литейных форм бронзового века

Г. А. Харин

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение
школа № 51, г. Новосибирск

Технология литья цветных металлов – это тяжелый и трудоемкий процесс. Древние мастера тщательно хранили секреты своего мастерства от посторонних глаз. Однако в настоящее время учеными разработан целый комплекс методик, направленных на реконструкцию древнего бронзолитейного производства.

Целью настоящей работы является уточнение процесса изготовления изделий из цветного металла с помощью поэтапной реконструкции производства и последовательного трасологического анализа каждой его стадии.

Для достижения поставленной цели были поставлены следующие задачи:

- изучить научную и научно-популярную литературу по теме исследования;
- основываясь на анализе литературы составить план-схему процесса литья металлов;
- опираясь на данные план-схемы реконструировать в лабораторных условиях процесс изготовления литейной формы для изготовления кельтов;
- после каждого производственного этапа зафиксировать и изучить следы производства, остающиеся на готовом изделии и на профессиональной оснастке литейщиков;
- сравнить данные трасологического анализа, полученные при изучении оригинального археологического изделия и его поэтапной реконструкции.

Внимательно проанализировав фрагменты литейных форм и металлические изделия из фондов археологического музея НГПУ, а также опираясь на литературные данные, мы, вслед за исследователями-археологами, сделали следующее предположение: литейные формы изготавливали преимущественно двумя способами:

во-первых, модельная формовка с использованием подмодельной плиты [1];

во-вторых, модельная формовка без использования подмодельной плиты, где стыковка створок достигалась путем притирки [2].

В качестве моделей будущих изделий использовались деревянные или восковые макеты, а также готовые бронзовые изделия [3].

Поскольку любое утверждение в науке должно быть доказано, нами были проведены экспериментальные работы.

Опыт №1 – изготовление литейной формы с использованием подмодельной плиты. Формовка производилась по жесткой модели (деревянный макет кельта), глина накладывалась крупными лоскутами, после чего обрезалась и выравнивалась, так чтобы придать обратной стороне выпуклую, гладкую форму. Совпадение плоскостей створок обеспечивалось применением подмодельной плиты. После сушки на полученных створках были зафиксированы следующие следы:

- отчетливо виден древесный рельеф на внутренней стороне формы с соответствующей шероховатостью;

- следы древесных волокон также видны на бортиках литейных форм (в местах соприкосновения с подмодельной плитой).

Опыт №2 – изготовление литейной формы без использования подмодельной плиты. Сначала на деревянную модель по всей площади, кроме нижней части, была нанесена глина слоем чуть менее сантиметра. Таким образом была сформирована одна из створок формы. После неполного просушивания на вторую часть изделия также была нанесена глина. До затвердевания глины форма была разрезана вдоль на две одинаковые части и с легкостью отсоединена от деревянной модели. После окончательного просушивания оказалось, что несмотря на проведенную нами притирку бортики литейных форм имели бугристую поверхность.

Таким образом, опыт создания моделей литейных форм бронзового века позволил нам подтвердить выводы, полученные исследователями ранее.

1. Дураков И. А. Методика изучения древних изделий из цветного металла. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. 142 с.

2. Кобелева Л. С., Мыльникова Л. Н., Дураков И. А. Литейные формы и техническая керамика поселения Линево-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XI. Ч 1. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. С. 347–351.

3. Кобелева Л. С., Дураков И. А. Литейные формы поздней бронзы // Проблемы археологии, антропологии, этнографии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016, Т. XXII. С. 307–310.

Научный руководитель — руководитель археологического кружка
Д. Н. Бобин